

Марина Колесова

Чародейка Книга 2

Бремя власти

Марина Колесова

Чародейка. Книга 2. Бремя власти

«Автор»

2009

Колесова М.

Чародейка. Книга 2. Бремя власти / М. Колесова — «Автор», 2009

Продолжение романа о чародейке. Дочь Владетеля Лорена постепенно становится могущественной чародейкой, способной противостоять своему суровому и деспотичному отцу. Она пытается найти свой способ правления и учится быть достойной правительницей. Но ее враги не дремлют, и ей приходится постоянно балансировать на тонкой грани между жизнью и смертью.

© Колесова М., 2009

© Автор, 2009

Глава 1

Къяра стояла перед зеркалом и терпеливо ожидала, когда Алика затянет шнуровку на корсете ее парадного платья. Алика уже вторую неделю исполняла обязанности ее личной служанки. Она следила за уборкой в спальне, приказывала подготовить для Къяры тот или иной наряд, помогала ей одеваться, причесываться и раздеваться. При этом она почти не разговаривала и не поднимала глаз. Изредка Къяра ощущала на себе брошенный украдкой ее злой взгляд, но, обернувшись, всегда видела лишь потупленные в пол глаза.

Делала Алика все очень медленно и не всегда аккуратно. Пару раз она обливала чаем наряды Къяры, и ту от переодевания спасало лишь то, что она с помощью магии могла восстановить свой костюм. Особенно медлительной Алика становилась если, как сегодня, знала, что Къяра торопится. Но Къяра изо всех сил старалась не показать, что спешит и злится. Она всячески избегала ситуации, в которой ей бы пришлось наказать Алику. Иногда ей казалось, что та откровенно провоцирует ее на это, но она сдерживалась и делала вид, что ничего не замечает.

Дверь личных покоев Къяры распахнулась, и на пороге появился Маграт:

– Радость моя, мне еще долго тебя ждать? Ты должна была быть в тронном зале еще полчаса назад...

– Я выбирала платье, – не оборачиваясь, ответила Къяра.

– Никогда раньше не замечал за тобой страсти к перебиранию нарядов и отсутствия пунктуальности. Что случилось?

– Ничего, отец. Ровным счетом ничего. Я лишь повзрослела и стала более женственной и, зная, что теперь должна соответствовать статусу Владетельницы больше внимания уделяю своему внешнему виду, чем раньше, вот и все. Надеюсь, ты извинишь мое опоздание? – дождавшись, когда Алика завяжет завершающий узел, она обернулась к отцу и мило улыбнулась.

– Ты знаешь, как я не люблю ждать, но с завидной регулярностью опаздываешь все последнее время. Сдается мне, дитя мое, что ничего ты не выбираешь, а порядок навести не можешь, и как мне кажется, совсем не в платьях...

– Отец, я понимаю, ты сердишься, но обвинять меня в том, что я не могу навести порядок, с твоей стороны, по меньшей мере, необоснованно. Исходя из чего, ты сделал такой вывод? Да, я опоздала... и действительно не первый раз. Но я же женщина, а не разводящий посты.

– Ты в первую очередь Владетельница.

– Именно. Поэтому я должна соответствующе выглядеть и имею право задержаться. Ты сам часто этим грессишь. Так что не драматизируй, ничего экстраординарного не произошло.

– Хорошо. Пусть так. Я всегда знал, что тебя не переспоришь. Подойдем к вопросу с другой стороны и сбросим карты. Тебя устраивает поведение Алики?

– А почему меня оно должно не устраивать?

– Ты посмотри на нее. Даже пока я стоял здесь, она двигалась как впавшее в анабиоз земноводное.

– Они не двигаются вовсе, отец. А она старается, и делает, по-видимому, максимум, на что способна.

– Ты думаешь, она способна лишь на это?

– Мне кажется, что да.

– Ах, тебе так кажется. Спешу заверить: тебе это кажется ошибочно. Эта милая женщина способна делать все быстро, четко и аккуратно. И я хочу, чтобы ты заставила ее вести себя именно так. А еще я хочу, чтобы вечером она пришла ко мне... и была очень послушна.

– Хорошо, отец. Как скажешь, – Къяра подошла к Владетелю и нежно тронула его за плечо. – Все будет так, как ты захочешь, только не надо нервничать и сердиться. Пойдем, я уже давно готова.

– Ты сделаешь это сейчас, – Маграт мрачно посмотрел на застывшую у стены Алику, а затем перевел взгляд на дочь.

– Легко. Но только тогда мне надо будет сначала вновь переодеться, потом выполнить твое приказание, а затем вновь надеть это платье. И учти, магию использовать я не буду, чтобы проверить действительно ли она сможет помочь мне одеться быстрее. Так что если ты согласен подождать еще часа два, а то и три, скажи. И я займусь этим прямо сейчас.

– У тебя полчаса. Нас ждут послы.

– Ну уж нет, – Къяра сурово нахмурилась, и скулы ее напряглись. – Я согласна выполнить твой приказ, но мне потребуется столько времени, сколько я сказала! Согласен ждать – жди. Если согласен ждать ты, то и послы подождут, никуда не денутся. Не согласен – идем сейчас, а твой приказ я выполню позже. И это мое последнее слово.

– А ты научилась быть жесткой, – усмехнулся Маграт и нежно коснулся щеки дочери. – Хорошо, моя радость, ты знаешь, что я не люблю ждать, пойдем, потом с ней разберешься.

– Как скажешь, – губы Къяры тронула ироничная усмешка.

Маграт, укоризненно покачав головой, вышел за дверь, и Къяра последовала за ним.

Вернулась в свои покои Къяра уже под вечер, знаком подозвала Алику и, дождавшись, когда та приблизится, рукой приподняла ее подбородок и заглянула в глаза.

– Не сделаешь то, что сказал отец, накажу Ингу. Причем накажу так, что мало не покажется. Поэтому сейчас пойдешь к отцу и будешь вести себя так, чтобы у него не было причин жаловаться на тебя.

– Причем здесь Инга? – хрипло, прерывающимся голосом спросила Алика, пытаясь отвести взгляд.

– Не причем. Но какое это имеет значение? Я сказала, что накажу ее, значит, накажу именно ее.

– Мерзкая тварь, – Алика злобно посмотрела на нее.

– Еще раз так назовешь, или скажешь что-то подобное, Инга недели две подняться не сможет, – не отводя взгляда, бесстрастно пообещала Къяра.

– Оставь в покое мою дочь, она ничего тебе не сделала. Хочешь наказать, накажи меня.

– Ее наказание подействует на тебя сильнее, я знаю это.

– Ты права. Ведь это я лишила Ингу возможности как претендовать на престол, так и противостоять твоей магии. Она беззащитна, и теперь ты можешь воспользоваться этим. Тебе мало, что ты ее превратила в свою рабыню, ты теперь еще и беспричинно мучить ее собираешься?

– Конечно. Ты маг, Алика, и должна знать, что маги всегда используют слабые стороны, и у них нет кодекса чести. Поэтому не надо стараться искать во мне то, чего не может быть по определению. Если ты хочешь защитить Ингу и хоть как-то исправить то, на что обрекла ее, будешь беспрекословно слушаться, или же будешь после каждого твоего проступка наблюдать за ее наказанием.

– Ты бессердечна, – Алика судорожно сглотнула и потупилась.

– А ты думаешь, сердце может быть у того, кто был с детства лишен ласки и любви матери? – усмехнулась Къяра и отпустила ее подбородок. – Иди к отцу, он ждет тебя. И не забудь то, что я сказала.

Алика вошла в покои Маграта, и охранники закрыли двери у нее за спиной. Тот поднялся ей на встречу, и Алика преклонила колени.

– Моя госпожа велела мне придти к Вам, мой господин.

– Великолепно. И что еще она тебе велела?

– Беспрекословно слушаться.

– Она наказала?
– Нет. Лишь пообещала наказать Ингу, если я не буду слушаться.
– И ты не возразила?
– Я пыталась... по-разному... но она осталась при своем решении.
– Жаль. Я надеялся, что ты окажешься умнее и сообразительнее.
– Сожалею, что разочаровала тебя.
– Этого мало, любушка моя, – Маграт жестко взял Алику за волосы и запрокинул ей голову. – Если ты в ближайшее время не вынудишь ее наказать тебя, я заберу у нее Ингу, и ты знаешь, что я с ней сделаю...

– Ты же видишь, я старалась. Однако девочка приняла решение и теперь вряд ли от него отступится. Не будет она меня наказывать. Можешь хоть сейчас забирать Ингу, я уже и так сделала все, что могла для нее... больше у меня сил нет.

– Никак ты сломалась?

– Да. Сегодня я услышала такие слова, причем от обеих, после которых не мудрено сломаться. Я перепутала детей, Маграт. Я не выбирала, думая, что успею обеих лишит способности к магии, и этим обрекла каждую на страдания.

– Ничего ты не перепутала. Встань, – Маграт отпустил волосы Алики, дождался, чтобы она поднялась, и продолжил: – Ты выбрала неосознанно, поступив так, как всегда. Инга с самого начала была тебе дороже... Ты даже кормила ее всегда первой.

– Нет. Не дороже. Она была слабее, так как родилась второй, и капризнее. Я знала, Къяра сможет подождать, а Инга не будет. Я жалела Ингу и, наверное, взяла ее первой, так как знала, что сил у меня вначале будет больше, чтобы быстрее снять боль и утешить.

– Вот и я про это. Именно только из Къяры и могла получиться великолепная Владетельница.

– Только ей это не надо... Я же вижу.

– Ей, может, и не надо, но она способна на это. И этого достаточно. Она стала могущественным магом, сильным воином и будет прекрасной Владетельницей.

– Ты сделал ее еще и воином?

– Не я. Это сделал Виард. Я лишь отдал ее ему на время, – усмехнулся Маграт.

– Так он жив? И как он принял мою девочку?

– Отвратительно. Он отыгрался на ней за все, в чем обвинял меня. Она с трудом выжила.

– Бедное дитя... Как же я перед ней виновата. Ты изверг. Зачем ты это сделал?

– Зачем? Станный вопрос. Чтобы сделать сильной, не боящейся ничего и способной вынести все. И она стала такой. Это ты вырастила капризное, ничего не умеющее и ни к чему неприспособленное существо, она переступит через тебя и даже не задумается. Ты ей нужна лишь затем, чтобы исполнять ее прихоти и защищать от всевозможных неприятностей.

– Ты прав, ты абсолютно прав. Я отдала ей всю любовь, на которую была способна, а оказалось, что она ей была не нужна. Она хотела лишь власти.

– Она не понимает через что надо пройти, чтобы ее получить. Она вряд ли бы выдержала то, что пришлось вынести ее сестре... Неужели ты не могла объяснить ей это?

– Чужие трудности всегда кажутся мелкими, зато свои мелочи чрезвычайно трудными. Она не знает, как учат магов, и от чего я уберегла ее.

– Что ж ты не рассказала?

– Это надо не рассказывать, это надо испытать... А подвергнуть ее воздействию сфер я не решилась. Боялась упреков, что, лишив ее этих возможностей, напрасно мучаю. Видимо зря. Теперь же исправлять что-то поздно.

– Думаешь?

– Уверена. Я упустила время. Да и бессмысленно сейчас это. Поэтому можешь забирать Ингу, лучше сразу, пока Къяра действительно не начала ее наказывать. Заставлять Къяру нака-

зывать меня я в любом случае не буду. Ей и так нелегко. Ты окружил ее лишь ненавистью и злобой. А девочке необходима любовь.

– До чего ж ты упряма. Что ж ты не согласилась на предложение Къяры, раз так о ней печешься? Ведь ты же не могла не почувствовать, что шанс сбежать у вас был.

– Поняла. Девочка прошла так, что даже информационную сферу не потревожила. Я ее не почувствовала, пока перед собой не увидела. А ведь я ждала ее. Да и амулет она с собой принесла... К тому же она сильнее тебя. Но я слишком хорошо тебя знаю... Ты в любом случае превратил бы нашу жизнь в кошмар, даже если бы у нас все получилось. И еще... Къяра уже прошла весь путь к престолу. Уводить ее тогда, когда до него остался лишь шаг, сделать напрасными все пройденные ею муки и страдания? Зачем? Чтобы на старости лет гордиться, что она все бросила к моим ногам, хотя я это не заслужила? Слишком много было против и ни одного за. К тому же у тебя не могло не быть еще одного козыря в рукаве. Иначе ты не был бы ты. И не ждал бы ее прихода, а всеми силами препятствовал ему.

– Умница. Козырь был. Зная мою дочь, я не мог не подстраховаться.

– И какой?

– А ты не догадываешься?

– Скажи! – скорее потребовала, чем попросила Алика. Ее большие голубые глаза сделались еще больше и стали полны страха и неверия.

– Догадалась, – рассмеялся Маграт.

– Ты знаешь? Не может быть! Ты бы не смог поступить так! Это невозможно... – Алика схватила Маграта за руку и заглянула ему в глаза: – Скажи, что это не так!

– Любушка моя, я знал это с самого начала, поэтому и выбрал тебя. И поступил бы я именно так. Неужели ты до сих пор не поняла, что, идя к цели, я не остановлюсь ни перед чем? Только чего тебе сейчас-то пугаться? Ты же не нарушила договор.

– Что это было?

– Твое кольцо. Она отдала бы его тебе... и ты бы его надела.

– Я не стала бы его надевать. Я ведь знала, что его забрал ты, и отказалась бы его надеть.

– Надела бы. Это сейчас ты знаешь, чем тебе это грозило, а тогда ты и не догадывалась, что я знаю твою тайну, и не почувствовала бы ничего. А если бы все-таки не надела, сославшись, что оно побывало в моих руках, то тогда, моя милая, она бы перестала тебе верить.

– Почему?

– На тот момент она верила больше Виарду, а его я заставил солгать ей, что ты спрятала его, когда он вез тебя ко мне.

– Я бы поговорила с ней и объяснила, что она может ошибаться.

– Она бы тебе даже вида не подала, что перестала тебе верить. Ее научили свои выводы держать при себе. Ты бы и не догадалась, что в ее душе поселилось маленькое неверие в твои слова. А маленькое недоверие влечет за собой большие неприятности, которыми я умею пользоваться... Тебе ли не знать.

– Как она могла ему верить больше?

– Он ее учитель, он сделал из нее воина, он ей никогда не лгал. Она знает, что он любит ее. Теперь любит, пообщавшись с ней долгое время, он полностью пересмотрел к ней свое отношение. В нее невозможно не влюбиться... Да и смысла лгать ей, с ее точки зрения, у него даже и быть не могло. И наконец, она сама к нему очень привязана... он дорог ей.

– Она к нему привязана? После того как он мучил ее так, что чуть не убил?

– Она умеет прощать. Она видела, что он бесхитроsten и честен. Она ценит эти качества. И потом с ней поступали даже жестче, чем он. То, что вынесла она, даже представить трудно... Но она твоя дочь и это объясняет многое.

– То, через что ты заставил пройти ее, ужасно, – Алика отпустила руку Маграта и потупила взор, потом помолчала и еле слышно произнесла: – Раз ты все знаешь... и даже колье мне подготовил... Я хочу знать: ты сделаешь это?

– Нет. Пока ты будешь покорна, бояться тебе нечего.

– Пока... – губы Алики предательски дрогнули, и она судорожно сглотнула, борясь с подступившими слезами. – Хочешь опять держать меня в страхе?

– А с тобой иначе нельзя, милая. Ты упряма и своевольна.

– Надевай! Надевай его хоть сейчас! У меня нет больше сил, бояться тебя... Я устала и не хочу так жить! Хочешь иметь вместо меня дрессированное чудовище и подарить ей, пожалуйста... – в ее глазах заблестели слезы.

– Вы только посмотрите на нее... «устала она». Слов нет. Ты двадцать два года жила в свое собственное удовольствие, хотя не заслужила ни дня такой жизни. После того как я надел на тебя кабалит, я и пальцем тебя не тронул. От чего ты устала? От того, что две недели общаешься с собственной дочерью, которая не смеет тебя даже наказать? Совесть поймей, разбрасываться такими словами. Ты же не совсем маг, совесть у тебя должна иметься... вон у дочери твоей, правда, только у одной, ее хоть завались... хотя она маг в гораздо большей степени.

– Прости. Я погорячилась. Что ты хочешь?

– Пока ничего, кроме того, что уже просил тебя сделать.

– Да не будет она этого делать, пока у нее Инга. Даже если я демонстративно не буду обращать внимание на то, что она ее наказывает. Кьяра уже поняла, что это будет игра и постарается переиграть меня. Ты не должен был отдавать Ингу ей, если хотел заставить играть в игры со мной.

– Давай оставим тему, что я должен был делать и что нет.

– Да, конечно. Извини.

– Хорошо, я временно заберу у нее Ингу, – Маграт перехватил ее взволнованный взгляд, – не бойся, не трону я ее, но ты приложишь все силы, чтобы ваши отношения с Кьярой перешли на другой уровень.

– Скажи ей, что сегодня с тобой я была непокорна.

– Ты действительно хочешь мне отказать? – Маграт притянул Алику к себе и крепко сжал в объятьях.

– Ну разве я осмелюсь, мой господин, – усмехнулась она.

– Я когда-нибудь, кроме того, первого раза, заставлял или принуждал тебя к чему-то?

– Ты умеешь спрашивать так, что отказывать тебе не смеет никто.

– Никто? Ты ошибаешься, твоя дочь отказывала мне и не раз...

– Она сильнее меня... ты сам сделал ее такой.

– Но лишь благодаря тебе... Твоя тайная сущность, любушка, позволила ей стать такой, – Маграт жадно припал губами к губам Алики, и она ответила на его поцелуй.

Утром Маграт распахнул дверь покоев дочери, втокнул в нее Алику так, что она, пролетев пару метров, упала к ногам Кьяры, стоящей у зеркала, и жестко потребовал: – Приведи мне Ингу.

– Доброе утро, отец, – Кьяра улыбнулась и склонила голову.

– Приведи мне Ингу, – вновь жестко повторил Маграт.

– Владетель, Вы явно сегодня встали не с той ноги. Неужели я не дождусь от Вас даже пожелания мне доброго утра?

– Мне повторить еще раз? – не меняя тона, спросил он.

– Ты хочешь, чтобы тебе привели ее прямо сейчас? – удивленно спросила Кьяра.

– Да. Пошли за ней.

– Хорошо, – Кьяра вышла и отдала распоряжения слугам. Вернувшись, она удивленно посмотрела на отца и на Алику, неподвижно лежащую на том же месте, где упала.

– Отец, что случилось, объяснить можешь?

– Могу. Твоя рабыня смеет мне перечить. Надеюсь, другая окажется более сговорчивой.

– Ты что-то хочешь от меня? – губы Кьяры исказила презрительная усмешка.

– Да. Я заберу Ингу, а ты разберешься с ней, – Владетель кивнул на лежавшую на полу Алику.

– Хорошо, как скажешь, – кивнула Кьяра.

В это время двое охранников ввели Ингу.

– Пойдешь со мной! – приказал ей Владетель и вышел из покоев Кьяры. Инга, испуганно оглянувшись на Кьяру и мать, лежавшую на полу, молча последовала за ним.

Кьяра наклонилась над Аликой и рукой приподняла ей голову:

– Чего ты добиваешься? Это ведь ты устроила... Я давным-давно не видела отца таким злым. До моего появления ты была с ним покорна и, как мне показалось, тебе в голову не приходило перечить ему. Ты решила проверить будет ли он теперь наказывать тебя, и если нет, то как умею наказывать я? Да? Не жалко себя, хоть бы Ингу пожалела... Общаться с ним в таком настроении опасно для жизни. Зачем тебе все это?

– Он не сделает ей ничего... она его дочь, – тихо проговорила Алика, потом еще тише спросила: – Я могу подняться?

– Можешь, – Кьяра отпустила ее голову и выпрямилась, – Хочешь сказать, что он забрал ее, чтобы вынудить меня наказать именно тебя? Это ты его так разозлила специально, а потом сказала, что наказывать я собираюсь Ингу, а не тебя, чтобы ее из-под удара вывести?

Алика поднялась, зло взглянула на Кьяру, потом отвела взгляд и ничего не ответила.

– Понятно, – протянула Кьяра. Ее губы скривила мрачная усмешка, а в глаза стали жестокими и холодными. Она взмахнула рукой, устанавливая по периметру комнаты непроницаемый магический барьер и в упор посмотрела на Алику.

– Как ты, надеюсь, уже поняла, я очень не хотела наказывать тебя. Но ты постоянно вынуждаешь меня. Можешь сказать, зачем?

Алика склонила голову и молчала.

– Здесь одно из двух, – продолжила Кьяра, – или отец каким-то образом заставляет тебя это делать. Тогда скажи, и я сделаю так, чтобы он был доволен, не причиняя тебе никакого вреда. Или же я настолько ненавижу тебя, что ты даже не можешь контролировать свои поступки. Но в этом случае ты должна осознавать, что ничем хорошим для тебя это не закончится.

Алика презрительно усмехнулась, но ничего не ответила.

– Жаль, что ты не хочешь разговаривать, – мрачно произнесла Кьяра, – я надеялась, что у тебя хватит здравого смысла обсудить со мной наши взаимоотношения до того, как я начну использовать в качестве аргумента силу.

– Хочешь использовать силу против матери, что ж используй... Во-первых, ты сильнее, а во-вторых, я не посмею противиться, раз произнесла зарок...

– Матери? Ты себя называешь моей матерью? Так учти, я тебя ей не считаю. В моем понимании мать не та, что родила, а та, что выкормила, выходила, воспитала и самое главное, та, что любит. Вот для Инги возможно ты и мать, а для меня родившая меня женщина. Когда я узнала о тебе, узнала, что ты хотела лишить меня моих способностей, я всячески оправдывала тебя в своих глазах, объясняя это тем, что ты хотела оградить меня от выпавших на мою долю испытаний. Я была готова пожертвовать ради тебя всем: любовью отца, моим пределом, в котором хотела укрыть вас от него... я ожидала найти разьединенную любовь. А нашла двух особ женского пола снедаемых злобой, жадной власти и ненавистью. Нашла ту, которая при первой же встрече, не раздумывая, хотела меня убить, лишь бы досадить тому, кто оказался

сильнее ее и получил от нее все, что хотел. Нашла тебя... и для меня ты не мать. Поэтому если еще раз услышу из твоих уст это слово в отношении меня, а не Инги, вырву тебе язык. Поняла? – Кьяра жестко схватила Алику за подбородок и заглянула ей в глаза.

– Поняла, госпожа, – сквозь зубы, нехотя проговорила она.

– Замечательно, – произнесла Кьяра, не отводя взгляда, хотя глаза Алики были полны такой злобы, что Кьяре казалось: еще немного, и она в ней захлебнется. – А теперь я хочу знать: ты будешь послушна или мне надо заставлять тебя быть такой?

– Ты думаешь, что сможешь заставить? Заставить, когда на мне кабалит твоего отца? Нет, госпожа. Ты ничего не сделаешь... тебе придется просить отца.

– Несмотря ни на что мне жаль, что тебе придется убедиться на собственном опыте, что это не так.

Кьяра отпустила подбородок Алики и взяла рукой охватывающую ее шею цепочку-кабалит, затем рукой медленно провела вдоль всей цепочки. Тут же под ее рукой возникло серебристое свечение, и под цепочкой появился широкий кожаный ошейник с металлическими шипами. Кьяра убрала руку и, кивнув на зеркало, тихо произнесла: – Иди, посмотри внимательно, что на тебе, а потом мы продолжим разговор.

Алика взглянула в зеркало, дотронулась рукой до ошейника и внимательно ощупала его, потом обернулась к Кьяре. Ее глаза были полны непонимания и страха: – Это невозможно! Как ты это сделала?

– Возможно. Для меня мало что невозможно, – Кьяра усмехнулась. – А сделала просто... при помощи магии, ты же видела. А теперь попробуй догадаться, что я сделаю дальше.

– Возьмешь мою руку и заставишь дернуть кабалит отца, после чего он сам, ударной волной затянет твой.

– Ты сообразительна. Правильно. Я поклялась отцу не снимать его кабалит, а то, что не буду надевать свой, не обещала, – усмехнулась Кьяра. – Поэтому вопрос: сама это сделаешь или мне все же надо тебе помочь?

– Я не буду это делать! – Алика отступила к стене и попыталась руками разъединить ошейник и цепочку. Однако ей это не удалось, они будто сплелись вместе. Тогда она попыталась применить магию, но применять магию к кабалиту было нельзя. Он тут же активизировался и сжался на ее шее плотным кольцом. Вскрикнув, Алика упала на пол, и тело ее свела судорога.

– Успокойся и расслабься! – Кьяра склонилась над ней, одной рукой приподняла голову, а другой провела по шее, превращая свой кабалит в обрамление уже имеющейся у Алики цепочки, а затем стала медленно поглаживать по плечам, снимая своей магией последствия сильной ударной волны. – Перестанешь сопротивляться, и все пройдет, ты же знаешь.

Постепенно судороги у Алики прошли, а тело расслабилось. Она подняла глаза на Кьяру и очень тихо прошептала:

– Как же я тебя ненавижу...

– Я это уже поняла, – Кьяра отпустила ее голову и поднялась. – Хотя это очень странно... Ты должна была быть другой. Судя по твоей сущности. Вставай.

– Что ты имеешь в виду? – Алика тяжело поднялась и вопросительно посмотрела на Кьяру.

– Только то, что сказала. Твое поведение противоречит твоей сущности, твоей второй сущности. И это странно.

– Какую мою сущность ты имеешь в виду? – голос Алики стал хриплым, и говорила она с трудом.

– Ту, которую ты скрываешь, – усмехнулась Кьяра. – Теперь я понимаю, чем ты меня наградила, и за что тебя выбрал отец, а так же почему он отказался снимать с тебя кабалит.

Ты ее стыдишься и похоронила в себе. А зря, в ней было много хорошего... Она мне нравится гораздо больше, чем то, что я вижу перед собой.

– И что ты собираешься делать?

– Ничего особенного, – пожалала плечами Къяра, – сейчас ты поможешь мне причесаться, причем быстро и аккуратно, а потом я уйду до вечера. И ты останешься здесь, как обычно, за хозяйку, а вечером отправишься к отцу и постарайся его ублажить.

– Я не про это... – Алика нервно сглотнула. – Что ты собираешься делать исходя из того, что узнала обо мне?

– Ничего я не буду делать. Успокойся. Иди, помоги мне причесаться и можешь отдохнуть.

Отец ведь тебе вряд ли ночью выспаться дал, да и следующей точно не даст...

– Прекрати изображать участие и заботу. Я все равно не поверю. Я понимаю, что ты хочешь, чтобы я стала доверять тебе и, стремясь не потерять твое расположение, из кожи вон лезла, стараясь услужить. Так вот, этого не будет, не старайся.

– Не хочешь из кожи вон лезть – не лезь. Но исполнять приказы, причем быстро и четко, я тебя заставляю, – жестко сказала Къяра. Рукой захватив цепочку на шее Алики, она резко потянула ее на себя. – Я не только уговаривать умею, но и заставлять. Поверь мне. А если через десять минут ты не сделаешь мне прическу, сможешь лично в этом убедиться. Понятно?

– Даже более чем, – пробормотала Алика и, взяв в руки расческу, начала ее причесывать.

Вечером, когда Алика вновь пришла к Владетелю, он удивленно коснулся ее шеи и покачал головой.

– Моя радость не перестает меня изумлять. Она великолепна. Ты так не считаешь?

– Считаю, – тихо проговорила Алика и отвела взгляд.

– Что еще случилось? Она сделала это слишком жестко?

– Нет, даже наоборот, девочка минимизировала воздействие и убрала все последствия ударной волны. Она лишь показала, как может наказывать, а делать это практически не стала.

– Тогда чем ты недовольна? Боишься, что я потребую, чтобы ты добилась более жестокого наказания?

– Она знает тоже, что и ты... Она почувствовала это, когда надевала свой кабалит.

– Потрясающе, девочка стала еще сильнее, – Маграт не мог скрыть довольной улыбки.

Потом он внимательно посмотрел на Алику и спросил: – И как она на это прореагировала?

– Спокойно. Сказала, что теперь поняла, чем я наградила ее и за что ты меня выбрал. А еще сказала что то, что у меня спрятано внутри, и чего я стыжусь, ей нравится гораздо больше того, что она видит перед собой.

– Великолепно, любушка, ты даже не представляешь, как ты меня порадовала.

– Действительно великолепно, – саркастически проронила она, – тебе лишь осталось надеть на меня колье и вручить ей.

– Перестань бояться. Сказал же, что не надену... пока, по крайней мере.

– Именно, что: «пока».

– Любушка, жизнь непредсказуема, радуйся тому, что есть, не надо заглядывать далеко вперед. Или ты никак не можешь пережить ее слова?

– Если честно, то да, я никак не ожидала услышать от нее такое.

– У нее нет предубеждений, любушка. Она принимает мир таким, каков он есть, и не делит населяющих его существ на высших и низших. Она их делит: на достойных ее внимания и нет. И это зависит отнюдь не от их происхождения.

– Да, после таких слов уже самой хочется надеть для нее все что угодно...

– Да ладно тебе. Не злись, я не виноват, что она об этом узнала и так прореагировала.

Кстати, я больше не настаиваю на том, чтобы ты ее провоцировала. Покорись. Будь ласкова, мила и любезна. Возможно, тебе станет легче.

- Она не поймет отчего... и не поверит.
- Поймет, если будешь молить не рассказывать ничего Инге и не особо часто и сильно наказывать ее... а вот то, что не поверит в искренность, это уже другой вопрос.
- Ты вернешь ей Ингу?
- Не только верну... я потребую, чтобы та по возможности везде ее сопровождала.
- Зачем тебе это? Ты же знаешь, что Инга ее действительно ненавидит. Бойся и ненавидит.
- И что с того? Одной необходимо научиться не ожидать от окружающих ничего хорошего и уметь заставлять их подчиняться в любом случае. А другой необходимо научиться хоть что-то делать самостоятельно и самой отвечать за собственные поступки.
- Инга не сможет. Она не умеет ничего и будет лишь раздражать Кьяру. Ты хочешь, чтобы она ее убила? Молю тебя, не надо, – Алика опустила на колени и, взяв руку Маграта, прижала ее к своим губам.
- Не убьет. Наказывать будет, учить будет, а убивать не станет. Не волнуйся, поняв, что деваться ей некуда, Инга всему научится. Конечно, ей будет тяжело, но когда-нибудь начинать учиться надо. Или ты думаешь, что всю жизнь будешь ее за пазухой носить?
- Хорошо. Только позволь мне быть рядом.
- Кьяру проси. Я хочу через три дня отправить ее в Треол проверить наместников, а вы, если она согласится взять тебя с собой, будете ее сопровождать.
- Если у нее будет выбор, она меня не возьмет. Ты же все сделал, чтобы ее раздражало одно мое присутствие. Ну что тебе стоит... прикажи ей. Молю, – Алика склонилась к ногам Владетеля.
- Вставай. Хватит в ногах валяться. Ты знаешь, на меня это не действует. У тебя три дня, этого вполне достаточно, чтобы показать Кьяре, что ты покорна и ласкова с ней, и что ты можешь влиять на поведение Инги. Если она это почувствует, то, возможно, согласится взять тебя с собой, хотя с ее стороны это будет большая глупость. Без тебя она гораздо быстрее сможет выстроить свои отношения с Ингой.
- Алика поднялась и тяжело вздохнула.
- Ты считаешь, Кьяра сумеет сделать то, что не смогла я?
- Безусловно. Особенно если ты вмешиваться не будешь. Кьяра умеет учить. Умеет быть и требовательной, и жесткой, и в то же время умеет не перегнуть палку, чтобы не сломать. Девочка выучила уже пятерых магов.
- Ты шутишь?
- Нет. Она действительно выучила пятерых магов, причем из совершенно неспособных мальчишек, за которых не взялся бы ни один маг, ищущий учеников.
- Маграт, как тебе удалось воспитать так дочь?
- Любушка, я знал, что хочу получить в результате, и никогда не давал эмоциям возобладать над рассудком. Кьяра всегда знала, что я люблю ее, но не дам этим пользоваться.
- Да, я видела, как она ловит мимолетные проявления твоей ласки... и как ждет любви. Неужели ты не видишь, как она ей необходима? Почему в ее окружении ты не допускаешь никого, кто бы искренне любил ее?
- Не волнуйся. Она скоро получит ее столько, что это искупит все с лихвой.
- Ты нашел ей супруга?
- Нет, супруг у нее уже есть, хотя возможно будет и еще... а так же есть целый гарем наложников и наложниц. Многие любят ее, и все без исключения очень покорны, однако все это лишь обременяет ее.
- И кого же ты ей нашел?
- Идеального любовника.
- Идеального? Идеальных не бывает.

– Идеального для нее. Он будет всегда рядом и в то же время труднодоступен. Он сильнее, опытнее, мудрее ее, и в то же время вынужден будет ей подчиняться. Он больше жизни любит ее, но умеет скрывать свои чувства и переступать через них. Он никогда ей не надоест. И хотя она никогда не будет принадлежать ему, кроме него она не полюбит никого. Потому что больше никогда не встретит такую любовь.

– Откуда ты это знаешь?

– Это предопределено... как и то, что твоя дочь будет великолепной Владетельницей, хотя ей предстоит пройти еще много испытаний, одно из которых его любовь.

– Так кто же это?

– Я не могу тебе это сказать. Это будет ее самая большая тайна. И скрывать ее она будет ото всех и в первую очередь от меня.

– От тебя? Почему?

– Потому что полюбит. Она знает, что любовь делает уязвимым. Я убил всех, кого она любила, чтобы дать ей почувствовать это, научить ее расставаться и быть свободной от любви. Я позволял ей быть рядом лишь с теми, с кем она была готова сама расстаться в любой момент. Она привыкла к этому. Поэтому сейчас она будет бояться дать хоть кому-то почувствовать, что любит и боится потерять... и каждый раз, уходя, она будет готова уйти навсегда, чтобы иметь возможность вернуться.

– Ты убивал тех, кого она любила? Ты сам хоть кого-нибудь любил? Ты знаешь, каково это пережить?

– Да.

– И кого, интересно знать, ты любил?

– Тебя.

– Меня? Ты меня лишь использовал. Тебе нужна была предсказанная тебе наследница...

И не более того.

– Сначала я действительно хотел от тебя лишь наследницу, но потом я полюбил тебя... Только ты не видела этого, ты не могла простить мне смерть твоего отца. Пока я всячески тебя ублажал, ты лишь ненавидела меня. Сумей я вести себя с тобой жестче, все было бы иначе... Но я тогда не мог. Любя тебя, я готов был сносить твою ненависть, и лишь твое предательство дало мне силы переступить через это чувство.

– Но ты же не убил меня.

– Тебя не убил... когда ты сбежала, чтобы разрушить все, что я стремился создать, я убил свою любовь. И именно поэтому ты жива до сих пор...

– Если ты не любил больше, зачем же ты приходил ко мне все эти годы? Тебе ведь до сих пор хорошо со мной, или я ошибаюсь? – усмехнувшись, спросила Алика.

– Нет, любушка, не ошибаешься. Ты очень своеобразна, и мне действительно хорошо с тобой, но к той любви, о которой мы говорим, это не имеет ни малейшего отношения. Это влечение плоти. Я совершенно спокойно пожертвую этими нашими отношениями. У меня в них недостатка нет, как ты понимаешь. Ты была нужна мне лишь, чтобы Къяру провести через все эти испытания. Если бы ты хоть раз отказала мне, я даже настаивать не стал бы. Ни тогда, ни сейчас. Ты ведь догадывалась об этом, и именно поэтому не отказывала, пытаешься сохранить между нами хоть какую-то связь.

– Да, догадывалась... и боялась потерять не только связь с тобой, а соответственно и с Къярой... я еще боялась тебя и до сих пор боюсь... Я всегда знала, что ты жесток... и ничего не прощаешь. И хотя ты не потерял ничего в результате так называемого «моего предательства», я знаю, что ты до сих пор не простил меня.

– Любушка, а что ты понимаешь под прощением, и в чем проявилась моя жестокость по отношению к тебе?

– Под прощением я понимаю именно прощение. А насчет жестокости... неужели ты не понимаешь? Ты забрал Къяру. А ведь она так же моя дочь. Да, я лишила тебя возможности выбора наследницы... но ты и не хотел выбирать, ты с самого начала сказал, что наследницей будет та, которая выживет... Ты хотел обречь вторую на смерть... Я лишь спасла Ингу, так как она изначально была слабее... И ты сам отказался от нее, как только понял, что наследницы из нее не получится... А я не отказывалась от Къяры... Ты же не говорил мне о ней ничего все эти годы... Ты изолировал меня ото всех... Я больше двадцати лет не общалась ни с кем кроме Инги и иногда тебя... Я сходила с ума от неизвестности, тоски и одиночества. Я боялась твоих появлений, но еще больше я боялась, что ты не придешь больше никогда... Я понимаю, что мое положение это сказочная роскошь по сравнению с тем, на что ты мог обречь меня, и все же это жестоко...

– Ты смешная, любушка. «Прощение – это именно прощение». Я этого не понимаю. Ты уж будь честнее. Прощение – это возвращение к старым отношениям, когда я позволял тебе все и ни в чем не перечил?

– Нет! Это – понимание. Понимание другого и допущение возможности им поступить так, как он поступил... Это не значит, что ты не должен поступать так, как считаешь нужным, это значит лишь то, что ты не осуждаешь другого за его поступки...

– Если так, любушка, то я простил тебя очень давно, – усмехнулся Маграт. – Я не осуждаю тебя. Другое дело, что я не дам тебе поступать так, как я не считаю нужным... или дам, но использую это таким образом, что ты сама горько пожалеешь о своем поступке.

– Ты действительно не осуждаешь за то, что я пыталась сбежать и лишит девочек способностей к магии?

– Нет. Твой поступок был очень кстати. Ты лишила меня иллюзий и любви. И это было замечательно. Через какое-то время я понял, что даже благодарен тебе за это. Через любовь надо уметь переступить, если это необходимо. Этому научила меня ты, а я в свою очередь научил этому нашу дочь.

– Ты говоришь мне это, чтобы сделать еще больше?

– Нет, любушка. Я сказал лишь то, что есть, – Маграт качнул головой. – Мне жаль, если это делает тебе больно. Но это твои проблемы.

– Это проблемы нашей дочери! Ты отобрал у нее возможность полноценно любить. Сейчас ты придумал какую-то нелепую замену этому чувству... Ты хочешь, чтобы она любила тайно, украдкой, и была готова в любой момент отказаться от своей любви? Это дико!

– Она уже не умеет любить по-другому.

– Научится, если ты ей позволишь. Кто ее супруг?

– Ее двоюродный брат, сейчас ему семнадцать, он ее боготворит.

– Ты сделал ее супругом мальчишку?

– Это было необходимо... К тому же мальчик искусный любовник, его научили всему.

– Как бы он не был искусен, это не супруг, а пародия. Найди ей нормального супруга, который был бы старше, сильнее, любил ее. И она сможет быть счастлива.

– Старше – возможно, но сильнее – ты шутишь, сейчас она сильнее даже меня.

– Пусть он будет сильнее физически, морально.

– Она прекрасный воин, и способна победить любого мужчину, даже не применяя магии. Поэтому физически тоже не подойдет. Да и морально она выносливее всех, кого я знаю. Возможно, я найду ей со временем более-менее достойного второго супруга, но полюбить его она все равно не сможет.

– Почему?

– Потому что не сможет найти более достойного любви, чем тот, кого уже нашел ей я. А его она будет любить так, как я уже сказал.

– Тогда сделай именно его ее супругом.

– Это невозможно.

– Почему?

– Почему рыба не может жить на суше, а птица в воде? Почему рак не летает, а тушканчик не ползает? Не могут. Вот и здесь тоже.

– Тогда не своди его с ней! Ведь ты можешь это... Ты совсем разобьешь ей сердце... это не любовь... это мука.

– Не волнуйся. Она сильная. Если ей не понравится так любить, она убьет эту любовь.

– Ты безжалостен. Ладно, меня и Ингу ты не любишь... но ты ведь любишь Кьяру. Почему ты столь жесток с ней?

– Я не жесток, я прагматичен. Неужели ты на примере Инги так и не поняла, к чему приводит мягкость, вседозволенность и постоянное потакание всем прихотям? Инге очень повезет, если сейчас Кьяра сумеет обуздать ее, уменьшить ее эгоизм и научить хоть чему-то... в противном случае она будет обречена вечно страдать от ощущения, что мир к ней очень жесток и несправедлив.

– Возможно, ты прав...

– Я прав без всяких «возможно». Все, прекращай пререкаться, любушка, это все равно бесполезно. Иди сюда, я хочу тебя обнять, – усмехнулся Маграт и протянул к ней руку.

Утром, Маграт привел Алику к Кьяре.

– Она была покорна? – Кьяра вопросительно взглянула на отца.

– Доброе утро, моя радость. Это ты, памятуя вчерашнее, не желаешь со мной здороваться?

– Доброе утро, отец. Я поняла, что здороваться с тобой можно лишь в случае, когда тебе никто не перечил... В противном случае, мои пожелания воспринимаются тобой неадекватно... Поэтому я решила, что лучше вначале спросу.

– Ты злопамятна.

– Есть в кого... Так она была покорна?

– Очень, моя радость. Что ты с ней сделала?

– Ничего, – Кьяра пожала плечами, – я лишь пообещала наказать, и она, наконец, поняла, что я способна сделать это.

– Радость моя, это все замечательно, однако у меня к тебе есть еще одна просьба.

– Все, что захочешь, отец.

– Я пообщался с твоей сестрой и понял, что более неприспособленного, изнеженного и избалованного существа видеть мне еще не доводилось.

– И что ты хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты привела ее в надлежащий вид.

– Ты хочешь, чтобы она покорилась тебе или мне?

– Конечно тебе, моя радость. Мне она ни к чему. Я ее забрал лишь для того, чтобы ты ее не путала в ваших с Аликой взаимоотношениях. Я хочу, чтобы ты их строила с каждой в отдельности.

– Я так и поняла. Что ты хочешь, чтобы Инга делала?

– Я – ничего. Что она будет делать, решать тебе. Я лишь информирую тебя, что если Инга в ближайшее время не изменится, я потребую ее казни. Я не хочу, чтобы хоть кто-то мог мне сказать, что у меня такая дочь.

– Ты не хочешь скрывать, что Инга твоя дочь?

– Радость моя, это невозможно скрыть. Стоит на нее лишь посмотреть и ни у кого не будет никаких вопросов. У вас одно лицо. Или ты хочешь всю оставшуюся жизнь держать ее в темнице?

– Она будет там, где ты захочешь. Мне все равно.

– Моя радость, ты великолепна, но я знаю, что ты лжешь. Хотя, если не хочешь с ней заниматься, то можешь хоть сегодня казнить ее или отправить в темницу, я возражать не стану.

– Хорошо, я подумаю, – Кьяра повела плечом и отвернулась к зеркалу, поправляя прическу.

– Потрясающе. Дитя мое, как же ты меня радуешь... Если бы я так хорошо не знал тебя, я бы поверил.

– Ты не веришь, что я способна думать? – Кьяра резко обернулась и вскинула на отца глаза полные удивления и непонимания.

Маграт расхохотался:

– Думать ты способна, в это я верю... а вот в остальное, извини, нет. Я поверю в твою игру, если только увижу голову Инги на плахе. Только вряд ли ты доставишь мне такое удовольствие. Ну да ладно, развлекайся дальше. Мне действительно все равно, что ты решишь.

– Отец, если тебе все равно, то зачем ты меня провоцируешь? Хочешь, чтобы я казнила Ингу – скажи, и я исполню.

– Нет, моя радость. Это будет твое решение. И мучиться с ней ты будешь лишь по собственной воле или не мучиться, если, наконец, у тебя хватит решимости переступить через собственные чувства.

– Что-то ты через них не переступил...

– Я приберег это для тебя. Но заметь, я не заставляю тебя это делать.

– Я очень тебе благодарна. Мне нравится принимать самостоятельные решения.

– Это хорошо. Сегодня и ближайшие два дня ты свободна, а потом поедешь в Треол, проверить наместников и навести там порядок. Я думаю, это тоже придется тебе по душе.

– Не то слово. Я несказанно счастлива, отец.

– Я рад, что мне удалось хоть ненадолго тебя осчастливить. Ингу тебе сейчас приведут. Развлекайся, дитя мое, – улыбнулся Маграт и вышел.

Дождавшись, когда дверь за Владетелем закроется, Алика бросилась к ногам Кьяры: – Госпожа, молю тебя...

– Да не казню я ее... успокойся и встань.

Кьяра попыталась отойти от Алики, но та обхватила ее за ноги.

– Благодарю тебя, ты так добра... но я не только об этом... – Алика всхлипнула и совсем склонилась к полу, – молю тебя...

– Ну что ты еще хочешь? – раздраженно спросила Кьяра.

– Не говори ей про меня... Ты знаешь, о чем я. Я буду послушна... я сделаю все, что ты хочешь... только не рассказывай ей... – голос Алики прерывался, она плакала и говорила с трудом.

– Хорошо. Я не буду ей ничего говорить, – Кьяра усмехнулась и, решив, что неплохо будет использовать представившуюся возможность шантажа, тут же добавила: – Если, конечно ты действительно будешь послушна...

– Да, я обещаю, – поспешно подтвердила Алика.

– Вот и хорошо. Встань, вытри слезы и приведи себя в порядок. Нехорошо, если Инга увидит тебя в таком виде. И еще пообещай мне не вмешиваться, когда я буду с ней разбираться. Попробуешь вмешаться, ей только хуже будет. Ты ведь слышала, что сказал отец, поэтому не лезь. А еще лучше иди к себе. Ей без тебя легче будет.

– Да, конечно, госпожа, – кивнула поднявшаяся с пола Алика.

– Перестань так меня называть. Обращайся по имени.

– Я не посмею.

– Это приказ.

– Но твой отец... он будет недоволен.

– Переживет. К тому же ты обещала быть послушной. Вот и слушайся. Понятно?

– Да, – Алика замялась, а потом смущенно добавила: – Къяра.

– Ну вот и хорошо, иди.

Алика направилась к выходу, но в дверях остановилась и обернулась. В ее глазах был немой вопрос.

– Что еще? – Къяра недовольно скривила губы.

– Ты позволишь потом помочь ей?

– О чем ты?

– Об Инге. Я понимаю, ты будешь наказывать ее... но потом позволишь?

– Нет. Ей необходимо понять, что рассчитывать ей придется лишь на собственные силы.

Не волнуйся, я умею вовремя останавливаться. А если это все же будет необходимо, я помогу ей сама... Иди.

– Да, – Алика покорно склонила голову и вышла.

Къяра облегченно вздохнула, присутствие Алики угнетало ее. Она чувствовала, что полностью сломила ее, но радости по этому поводу не испытывала.

Ей было тяжело выносить слезы и мольбы Алики. Даже тяжелее, чем ее явную агрессию и злобу.

Къяра понимала эту женщину, у которой ее отец разбил сердце, сломал судьбу и растоптал гордость. Несмотря на ненависть Алики к ней, она жалела ее. Сейчас ей надо было постараться наиболее щадящим способом сломить Ингу и для начала хотя бы научить подчиняться.

В это время в дверь постучали и после ее разрешения, двое охранников Владетеля ввели Ингу. Она была сильно напугана, а глаза покраснели от слез. Къяра махнула рукой, и охранники, поклонившись, тут же вышли. Инга в нерешительности замерла и подняла глаза на Къяру. В них плескалась обида, ненависть и страх.

– Пообщаемся, сестренка? – с усмешкой спросила Къяра.

– Мне на колени встать или так разрешишь разговаривать? – в голосе Инги не было покорности, скорее слышался вызов.

– Пока так постой, а там посмотрим, – Къяра кончиками пальцев приподняла ее голову и заглянула в глаза. – Плакала отчего?

Инга молчала.

– Сестренка, я задала вопрос и очень хочу услышать ответ. Будет лучше, если ты ответишь, не дожидаясь, пока я заставлю тебя это сделать.

– Наказать хочешь? Наказывай... Ты же все равно найдешь к чему придраться.

– Зря ты так со мной. Все это время, что ты здесь, я от тебя ничего не требовала, и ты была предоставлена самой себе. С чего ты взяла, что я придираюсь?

– Ты же не просто так ошейник на меня надела. Тебе надо было показать, что я полностью в твоей власти. Показывай, я жду... уже давно жду.

– Раз ждешь... Тогда, конечно, – Къяра тихо повела рукой, и Инга, схватившись за шею со стоном осела на пол. Кричать она не могла, у нее перехватило дыхание, и она судорожно пыталась вздохнуть. Наконец ей это удалось, но как только она попыталась закричать, дыхание у нее вновь перехватило. Из глаз ее лились слезы, катаясь по полу, Инга руками пыталась сорвать стягивающий шею невидимый обруч, но ей становилось лишь больнее.

– Не дергайся. Будет только хуже. Отпущу, когда расслабишься и будешь молча терпеть, – склонившись над ней, тихо произнесла Къяра.

Вначале Инга никак не отреагировала на эти слова. Всклипывая и прерывисто дыша, она продолжала дергаться и пытаться сорвать ошейник. Лишь минут через десять она замерла на полу, восстановила дыхание и, всклипывая, очень тихо попросила:

– Отпусти... я буду слушаться.

– Умница. Но для начала еще пять минут молча и тихо так полежишь... и еще перестанешь всклипывать и лить слезы. Дернешься хоть раз и будешь лежать намного дольше.

- Я не могу не плакать... мне очень больно... отпусти.
- Можешь. Для того чтобы сделать тебе так больно, я терплю практически ту же боль, поверь мне, но разговариваю с тобой и улыбаюсь.
- Ты лжешь, – Инга скривилась и зло посмотрела на Къяру.
- Вообще-то все маги лгут... но в данном конкретном случае я не лгу, можешь потом спросить у матери. Именно от этой постоянной боли она спасала тебя, надевая на тебя браслет.
- Это невозможно терпеть.
- Можно, сестренка, можно и намного большее вытерпеть. Когда я в детстве говорила такие слова, меня наказывали так, что потом первоначальная боль казалась пустяком. Не вынуждай меня к этому же. Замри и расслабься.
- Я не могу.
- Сможешь, малышка, – Къяра опустила рядом с ней на пол и ласково погладила по плечу, – и чем быстрее сможешь, тем меньше будешь терпеть.
- Ты изверг какой-то, – произнесла Инга всхлипывая.
- К сожалению, да, – Къяра перестала поглаживать ее плечо и отстранилась. – Все мои учителя были извергами и научили меня быть такой же. Поэтому не упрямясь, выполняй, что говорю.
- Что ты хочешь, чтобы я еще сделала? Я и так не дергаюсь и почти не плачу...
- Почти, сестренка, не считается. Перестань всхлипывать и расслабься.
- У меня не получается, – Инга схватила руку Къяры, и из глаз ее вновь хлынули слезы, – отпусти, пожалуйста, мне очень больно... я буду послушна, обещаю.
- Малышка, я твое «буду послушна» сейчас и проверяю. Поэтому делай, что я говорю, и не упрямясь. Я открыла лишь первую сферу и сейчас большую часть ее энергетики отвожу от тебя... Это даже ребенок трехлетний выдерживает. Поэтому услышу еще хоть одну жалобу или всхлип, держать энергетику больше не буду, свалю всю на тебя и посмотрю, что ты после этого скажешь. Что ты можешь терпеть, а что нет.
- Не надо...я постараюсь не плакать, не дергаться и молчать... только, пожалуйста, возьми меня снова за плечо, мне так легче, и я буду терпеть.
- Вот это другой разговор, – Къяра улыбнулась и ласково обхватила Ингу за плечи, и та, закусив губы, покорно замерла в ее руках.
- Умница, девочка, – через некоторое время ласково проговорила Къяра и убрала воздействие.
- Инга с облегчением вздохнула и в упор посмотрела на нее:
- Ты действительно испытывала такую же боль?
- По уровню сила воздействия и отдачи равны, только маги умеют отдачу отводить и перераспределять. Но так как я удерживала энергетику над тобой и перераспределяла поток воздействия, отводя большую часть от тебя, то отдачу, причем от всего потока мне приходилось воспринимать полностью. Исходя из этого, воздействие на меня было раз в пять больше, чем на тебя. Если ты это хотела узнать, – усмехнулась Къяра и, разжав руки, отстранилась и пытается подняться. Но встать ей не дала Инга. Обхватив ее руками за талию, она попросила:
- Подожди... пожалуйста.
- Тебе нравится лежать на полу? – удивилась Къяра.
- Нет, – замотала головой Инга, – но я хочу спросить тебя... А когда ты встанешь, я не осмелюсь.
- Почему?
- Ты сейчас встанешь и опять превратишься в строгую Владетельницу.
- Обещаю, я дам тебе время спросить меня все, что ты хочешь, и не буду строга. Давай встанем. Сидя в креслах говорить намного приятнее, чем на полу, поверь мне.
- Хорошо, – Инга разжала руки, и они поднялись с пола.

– Пойдем, поговорим, – Къяра прошла в маленький кабинет с мягкими креслами, и Инга последовала за ней.

– Располагайся, – Къяра кивнула головой на кресла и опустилась в одно из них. Инга села рядом.

– Спрашивай, что хотела, – Къяра выжидательно взглянула на сестру, но та молчала.

– Испугалась что ли? Поверь, сидя в кресле, я не страшнее чем на полу.

– Тебя действительно наказывали?

– Сестренка, магов иначе не учат... К тому же сам процесс овладения энергетикой любой сферы похлеще любого наказания будет. Да и вся магия это постоянная боль и напряжение всех сил. Маги просто привыкают к ней и со временем начинают ощущать совсем по-другому. Однако если у меня есть выбор сделать что-то с помощью магии или обычным способом, я предпочту магию не использовать.

– Почему?

– А ты как предпочтешь картошку в горячие угли закапывать – голыми руками или с помощью палки?

– Я не знаю, – растерянно протянула Инга. – А как ее закапывают и зачем?

– Даже так? Ну ты даешь, сестренка... Ты угли видела?

– Не видела, но знаю, что это обгоревшие куски дерева. А картошку я ела, она мягкая или еще кусочками бывает... Как ее можно в обгоревшие деревяшки закапывать и самое главное зачем?

– Ладно, я покажу тебе, вот поедем в Треол, и покажу... А смысл примера был, что предпочтительнее что-то сделать пусть и медленнее, и не столь удобно, зато для себя безболезненней. Я думаю, руки обжигать без особой нужды никто не полезет. Можно, но не хочется. Так и с магией.

– Понятно. А ты часто магию используешь?

– Когда как. Когда у киритов жила, совсем старалась не использовать. Они ее боятся и не любят.

– А кириты это кто?

– Воинственный народ. Мощные под два метра ростом в основном рыжеволосые бородастые богатыри. Жестокие, суровые, не знающие ни жалости, ни изысканных манер, мало уделяющие внимания даже опрятности, не признающие никакой власти кроме силы. Однако честные, преданные и не умеющие лукавить.

– Ты жила с этим отребьем?

– Не смей называть их так. Это мой предел... и мой народ. Они конечно своеобразны, но в них много хорошего. Мы научились жить вместе. Они почитать мою власть, а я уважать их устои.

– И как ты добилась этого? Магией?

– Нет. Магию я не использовала. Силой, сестренка. Они признают только ее.

– Силой? Как ты без магии могла справиться с двухметровыми богатырями?

– Я воин, Инга. И хороший воин. В поединке я могу справиться с любым богатырем, какого бы он роста не был.

– И как ты стала им?

– Меня этому тоже учили, хотя и теперь, чтобы не потерять навыки мне приходится ежедневно тренироваться. Кстати, сестренка, теперь тебе придется тоже заниматься со мной по утрам. Отец хочет, чтобы я взяла тебя с собою вначале в Треол, а после и дальше ты бы везде меня сопровождала. А ты ведь, наверное, и на лошади никогда не сидела...

– Не сидела, – подтвердила Инга.

– Поэтому хочешь ты или нет, а тебе придется заниматься как физической подготовкой, так и этикетом, чтобы и в седле более-менее научиться держаться, и многочасовые переходы выдерживать, а так же собрания, аудиенции, проверки и торжественные приемы.

– Я не смогу, – испуганно прошептала Инга.

– Сможешь, никуда не денешься. Пару раз плетью отхлещу, и сможешь все.

– Ты хочешь бить меня плетью? – голубые глаза Инги сделались огромными, в них читался откровенный страх.

– Я не хочу и с удовольствием не буду, это видимо хочешь ты, раз говоришь такие слова.

– Как я этого могу хотеть? Какие такие слова я тебе сказала? – Инга непонимающе подняла брови.

– «Не смогу», это же ты сказала? Так вот, слова типа: не могу, не хочу и не буду, я не воспринимаю и буду за них жестоко наказывать. Не хочешь, чтобы наказывала, не говори их и выполняй то, что требую.

– А если я никогда не сидела в седле, как, например, я смогу выполнить это?

– Я научу как.

– Но если я физически не смогу выполнить что-то?

– Это тебе лишь кажется, что не можешь... и с помощью наказания я смогу тебя заставить в этом убедиться. Поэтому если не хочешь, чтобы я наказывала, будешь стараться выполнять все. Не будешь, значит, хочешь, чтобы наказала. Понятно?

– Не заставишь! Если избыешь, делать вообще ничего не буду.

– Это тебе так только кажется, малышка, – рассмеялась Къяра, – и только потому, что тебя никто не наказывал. Если ты будешь знать, что я не прекращу наказание, пока ты не начнешь выполнять мои требования, ты ползком поползешь их выполнять.

– Не поползу!

Къяра перестала смеяться и очень жестко спросила:

– Хочешь проверить? Тебе показалось мало сегодняшнего урока? Уже отошла от него?

– Ты злая и бессердечная!

– Ой, малышка, если бы ты только знала насколько ты права, ты бы не говорила этого... Я знаю, что это правда, однако слышать эти слова мне ооочень не нравится, – Къяра нахмурилась.

– Накажешь? – испуганно сжалась в кресле Инга.

– На первый раз нет. Но сейчас ты встанешь с кресла, подойдешь ко мне, заведешь руки за голову, и дальше мы будем разговаривать так. И храни тебя небо еще раз прогневать меня.

Инга скривила губы, но встала перед Къярой так, как она потребовала.

– Умница, – похвалила она ее, – а теперь я хочу, чтобы ты ответила мне на тот вопрос, который я задала вначале: плакала отчего?

Инга потупила взгляд и молчала. Къяра повела рукой и в руке у нее появилась плеть.

– Малышка, – ласково произнесла она, – твое молчание я воспринимаю, как отказ отвечать на мой вопрос, а отказов я не терплю. Если в течение трех минут ты не начнешь отвечать, тебе придется раздеться и лечь на лавку, если ты не хочешь дальше ходить в разодранном платье перед всем двором.

Инга испуганно взглянула на Къяру, долгим взглядом посмотрела на плеть у нее в руках и начала говорить:

– Я разговаривала с Владетелем, и он спросил меня, что я умею делать. Я сказала, что составлять букеты, сочинять стихи, вышивать и читать. Он спросил, умею ли я что-нибудь готовить, я ему ответила, что так как я к магии не способна, то нет. А он сказал, что почти никто с помощью магии и не готовит, а я сказала, что мама делала только так, и как делать по-другому я не знаю. Тогда он попросил меня хотя бы сделать ему чай. Я сказала, что чай я тоже не умею делать... Он сказал, что ничего сложного в этом нет и надо лишь обдать кипятком

маленький чайничек, насыпать туда заварку и кипятком залить заварку в чайнике. А потом через пять минут налить оттуда чай в чашку. Я попробовала, но рассыпала заварку, а потом у меня разбился чайничек, а потом, когда я заварила чай в другом чайничке и подавала его Владетелю, я расплескала чай на пол...

– Мило, – саркастически проронила Кьяра, – и что же было дальше?

– Владетель сказал, что не понимает, откуда у меня растут руки и велел мне... – Инга судорожно сглотнула, и на ее глазах опять появились слезы, – велел мне встать на колени и вылизать чай с пола... Я сказала, что не буду и стала плакать, а он схватил меня за шиворот, тряхнул и сказал, что если я не сделаю это сама, то он позовет охранников и это меня заставят делать они... Я... я сказала, что пусть наказывает как хочет, хоть убивает, но я делать это не буду... Тогда он позвал охранников, и они отвели меня в какую-то маленькую комнату и заперли. Я долго плакала там, а потом меня отвели к тебе.

– А плакала из-за чего? Он же не заставил тебя это делать.

– Я боялась, что заставит, – Инга сжалась вся и нервно переступила с ноги на ногу.

– Понятно. Ладно, можешь идти отдыхать. А завтра в пять часов утра, я жду тебя здесь.

– В пять утра? – переспросила Инга, опуская руки, – я не смогу проснуться в пять утра.

– В пять утра ты должна не проснуться, а быть здесь, – жестко отрезала Кьяра, – опоздаешь, будешь наказана. Иди. И не спорь, а то накажу прямо сейчас.

Глава 2

Инга сидела, поджав ноги, на кровати в отведенных ей апартаментах наместника южного Треола и тихо плакала. Она устала. День тянулся бесконечно долго. Сестра за весь день, с раннего утра впервые отпустила ее отдохнуть. А поздно вечером будет торжественный ужин в честь их приезда, на котором она опять должна быть, и во время его, скорее всего, Кьяра, как уже было не раз в Треоле, устроит разнос принимающему их наместнику южного Треола и его свите. И ужин будет больше походить не на ужин, а на судебное разбирательство, во время которого, иногда можно будет улучшить момент, чтобы что-нибудь съесть.

Инга устала так, что у нее не было сил даже раздеться и лечь. И рядом не было никого, кому можно пожаловаться. Мать в Треол Кьяра не взяла, и столь жестко пресекла любые попытки просить ее об этом, что ни Алика, ни Инга даже не осмелились больше заикаться на эту тему.

Поэтому сейчас Инга боялась даже закрыть глаза, боялась, что уснет и опоздает. Ведь разбудить ее будет некому, потому что по дороге в свои покои попросить охранников разбудить ее Инга не догадалась, а теперь подниматься с кровати ей было очень лень. А если она опоздает, то тогда сестра точно сделает то, чем неоднократно грозились – изобьет ее.

Инга судорожно всхлипнула и вытерла слезы. «Если не прекратить плакать, то тоже может наказать», – подумала она.

Кьяра была сурова, требовательна и не выносила жалоб и слез. И хоть за все это время ни разу не наказала ее, Инга чувствовала, что сделать она это может легко. Поэтому, боясь ее прогневать, старалась изо всех сил выполнять то, что требовала сестра.

Сама Кьяра как будто вовсе не чувствовала усталости, не нуждалась в отдыхе и требовала этого же от других. Инга поражалась выносливости сестры. Четыре часа утренних занятий без перерывов та изматывала себя упражнениями с мечом и без него, лишь изредка отвлекаясь на нее, чтобы заставить сделать более четко то или иное упражнение.

На этих занятиях активно Инга занималась примерно лишь час, выполняя простые физические упражнения, а потом сидя где-нибудь в уголке, наблюдала, как занимается сестра. Обычно сестра разрешала ей уйти, но Инге нравилось наблюдать за ней, и она не уходила. Глядя на нее, Инге казалось, что все, что делает сестра легко и просто, но когда однажды она

попыталась повторить хоть что-то, поняла что это невысказано и больше даже не пыталась. Сестра рассмеялась тогда, и сказала, что может года через два научить владеть ее мечом так же. Но Инга лишь в ужасе отрицательно головой затрясла, и Къяра не стала настаивать, сказав, что удовлетворится хотя бы тем, что она станет более выносливой и физически крепкой.

Однако и это давалось Инге тяжело. Утренние занятия, потом четырех – пятичасовые поездки из одного города Треола в другой на лошадях. А после этого сразу без отдыха: смотры гарнизонов, проверки отчетности и бумаг, официальные приемы, осмотры каких-то складов и темниц, прием местных делегаций жалобщиков...

Все это нескончаемой чередой перетекало из одного в другое и выматывало Ингу, которая, несмотря на то, что ей практически ничего не приходилось делать, а лишь сопровождать Къяру, к вечеру даже двигалась с трудом.

Иногда ей хотелось бросить все, сесть и разреваться, но строгий взгляд сестры или ее окрик: «Принцесса, мне долго Вас ждать?» заставляли Ингу даже через усталость улыбаться и следовать за ней.

Инга откинулась на подушки и закрыла глаза. «Я только полежу так, спать нельзя» – подумала она и тут же провалилась в глубокий сон.

Пробудилась Инга от чьего-то тяжелого и внимательного взгляда. Она открыла глаза и в неверном свете светильников увидела, что рядом с ее кроватью стоит Къяра и пристально смотрит на нее.

– Я проспала? – Инга вскочила с кровати и испуганно посмотрела на часы. Они показывали четыре тридцать утра. Она проспала не только начало, но и весь торжественный ужин. Инга опустила голову, тяжело вздохнула и через силу произнесла:

– Здесь накажешь или отведешь куда-нибудь?

– А ты бы как хотела? – мрачно поинтересовалась Къяра.

– Здесь... только, пожалуйста, дверь запри, чтобы никто не вошел, – дрожащими пальцами Инга стала распускать шнуровку на корсете своего платья.

– Никто не войдет...

– А охранников из коридора можешь выгнать? – Инга подняла глаза и с мольбой посмотрела на сестру.

– Зачем? – сурово спросила та.

– Я буду стараться молча терпеть, но меня никогда не били... я не уверена, что смогу... прошу тебя... мне будет очень стыдно, если они услышат, что я кричу.

– Значит, у тебя будет еще один повод вынести это молча, – нахмурилась Къяра.

Инга не стала больше ни о чем просить. Она молча сбросила платье и быстро легла на кровать, уткнув голову в подушку.

Однако удара она не почувствовала, вместо этого она ощутила, что сестра села с ней рядом на кровать и ласково погладила ее по волосам и спине.

– Я знаю, что ты очень устала, сестренка... Но еще знаю, что тебе придется научиться преодолевать и усталость, и боль, и страх... Я не буду тебя сегодня наказывать, хотя бы потому, что впервые увидела, что ты готова собраться и вынести боль без пререканий, без слез и мольбы. Поэтому на первый раз я прошу тебе то, что ты не явилась. Однако в другой раз такое не пройдет, учти. И еще, если ты и в следующий раз не снимешь это, – Къяра рукой подцепила тонкую кружевную рубашку на теле Инги, – платье тебе придется носить, на голое тело.

Инга только кивнула, она не могла говорить, боясь расплакаться. Так ласково Къяра с ней разговаривала редко, и она догадывалась, что стоит ей сейчас только всхлипнуть и настроение у сестры тут же изменится...

– Вот и умница, – Кьяра вновь ласково провела по ее волосам. Можешь полежать еще минут пятнадцать, а потом переоденься в костюм для занятий и спускайся вниз, охрана тебя проводит. Позанимаешься час, и я отпущу тебя, и ты сможешь отдохнуть до завтрака.

– Кьяра, – Инга приподнялась на кровати, она справилась с собой, и голос ее звучал нормально.

– Да, сестренка.

– Мы сегодня опять переезжаем?

– Устала от переездов?

– Я не жалуясь. Я только спросила, – голубые глаза Инги испуганно расширились.

– Это хорошо, что не жалуешься. Нет, не переезжаем. Ближайшие дней пять мы будем здесь. Я хочу посмотреть, действительно ли наместник сумеет сдержать слово, данное мне ночью, и навести здесь порядок. Или мне придется его казнить.

– Ты хочешь казнить его? За что?

– Инга, мы везде с тобой были вместе, неужели ты не поняла?

– Кьяра, мне очень стыдно, но сегодня я так устала, что я не слушала, что тебе говорили, и не вникала в то, что тебе показывали. Я старалась лишь красиво с достоинством стоять или сидеть на лошади и не упасть. Я не поняла ничего... Ты сердисься?

– Нет, не сержусь, – Кьяра удрученно покачала головой. – Что на тебя сердиться? Хорошо, что действительно хоть не упала. Ладно, переодевайся, жду тебя внизу.

Она поднялась и быстро вышла.

Кьяра шла по дворцу наместника южного Треола, в сопровождении Инги и лорентских охранников, когда почувствовала энергетическое искажение информационной сферы, достаточно слабое, но все же искажение. Остановившись, она повела рукой и, определив местоположение источника искажений, повернулась к Инге:

– Принцесса, можете отдохнуть, если хотите, а я должна отлучиться.

– Владетельница, Вы надолго? – растерянно взглянула на нее та.

– Не знаю... Когда вернусь, я зайду за Вами, принцесса, – Кьяра повернулась к охранникам: – До моего прихода вы в полном распоряжении принцессы. Проводите ее и дежурите у ее покоев. Любой ее приказ исполняете как мой. Понятно?

– Да, – кивнули вытянувшиеся в струнку под ее строгим взглядом охранники.

– Тогда выполняйте, – Кьяра взмахнула рукой и скрылась в арке магического перехода.

Открыв выход перехода метров за сто до источника искажений, Кьяра накрыла его сферой односторонней видимости и шагнула наружу. Оглядевшись, она поняла, что стоит в негустом перелеске у подножия лесистой горы. А в ста метрах от нее группа возбужденных, бедно одетых людей, вооруженных топорами и длинными палками. Люди размахивают руками, кричат и тычут своими палками в глубокую яму, из которой раздается то ли визг, то ли плач и идет сильный неориентированный энергетический выброс.

Кьяра взмахнула рукой, снимая сферу, и шагнула к людям.

– Это еще что?! – грозно прикрикнула она на них по треольски, и все тут же повернулись к ней.

– Кто посмел в моих владениях самовольничать? Что вы здесь творите? Все на колени!!! Старший ко мне! – тем же тоном продолжила она, нетерпеливо вытянув вперед правую руку.

Все тут же повалились перед ней на колени и уткнули головы в землю. А один, коренастый и толстоватый, с черными с проседью волосами и такой же бородой, на полусогнутых ногах приблизился к ней:

– Вы кто, госпожа?

– Ты не узнаешь свою Владетельницу, смерд?! – рявкнула еще громче Кьяра.

Мужичок тут же повалился перед ней ниц.

– Владетельница, не казните, дозвольте слово молвить.

– Скажи, кто ты и говори, – позволила Къяра.

– Я – Росос, старейшина поселения, оно отсюда недалеко... – чуть приподнимая голову, проговорил он, – мы поймали фавна, он обирал наши сады, уводил и портил скот и еще охотился за нашими девушками. Он заслужил смерти.

– Это мои владения и фавн, живущий в моих владениях – мой фавн! И только я буду решать, что он заслужил! Ты посягнул на мои права, смерд! – в голосе Къяры зазвенел металл, а потом очень тихо, но с такой угрозой, что кровь стыла в жилах, она добавила: – И я думаю, ты знаешь, как это карается.

– Владетельница, – старейшина просто распластался на земле, вытянув вперед руки, и его голос задрожал от плохо сдерживаемых рыданий, – пощадите... мы виноваты... я виноват... но мы не убили его, он жив... Вы можете сами решить его участь... мы лишь в яму поймали... а достать оттуда не можем... мы бы отправили его Вам, если бы достать сумели б, но он же не дается... да и к Вам его не довести... он же фавн, они от любых пут освобождаются и из-под любых замков выбираются... пощадите.

– Я не поняла, ты раскаиваешься в своем поступке или обосновываешь правильность своих действий? – грозно спросила Къяра, мыском туфельки приподнимая голову старейшины.

– Раска-и-ваааа-юсь... оч-чееень... – уже не сдерживаясь, прорыдал тот, – молю о пощаде.

– Марш в поселение, уведешь своих людей и соберешь всех жителей твоего поселения от мала до велика на центральной площади. Я приду, попозже, когда с фавном разберусь, и решу что с тобой и твоими людьми делать. И запомни, от того, насколько четко мой приказ будет исполнен, будет зависеть мое решение. Иди! – жестко приказала Къяра, убирая ногу от лица Рососа.

Тот тут же поспешно вскочил и, кланяясь, начал отступать к своим сотоварищам, пинками поднял всех, и они, кланяясь, начали вместе отходить в сторону поселка.

– Бегом! – вновь прикрикнула на них Къяра, и все тут же, развернувшись и больше не оглядываясь, припустились бегом к своему селению.

Къяра проводила их долгим взглядом, потом развернулась и подошла к яме. Яма была глубокая, примерно в два человеческих роста, на самом дне свернувшись клубком, лежало окровавленное, грязное, лохматое меховое создание и тихо скулило.

– Останешься лежать тут или вытащить тебя? – присев у края ямы, тихо проговорила Къяра.

Лохматый клубок пошевелился и поднял голову. Мохнатая мордочка была вся в грязи, а в маленьких глазках плескались боль, испуг и страх.

– Ты кто? Маг? – фавн сжался на дне ямы еще больше.

– Маг. Только тебе не все ли равно: кто я? Те люди, что ушли, хоть были и не маги, для тебя представляли явно большую опасность. Тебе так не кажется?

– Все маги умеют красиво говорить, но верить им нельзя, – всхлипнул фавн, его мордочка с выступающим носом наморщилась, на лбу между маленькими рожками собрались складки, а небольшие меховые уши приподнялись.

– Не веришь, не надо, оставайся здесь, может, сам к вечеру выберешься, – усмехнулась Къяра и приподнялась.

– Не уходи, – заскулил фавн, – я не выберусь, у меня сломана нога... Я согласен, согласен на плен, только не бросай меня здесь.

– Я знала, что ты согласишься, – Къяра вновь присела у края ямы. – Нетрудно было догадаться, что тебе что-то сломали, иначе не было бы такого выброса энергетики, причем абсолютно тобой управляемой.

В ее руке появилась веревка, и она сбросила один конец в яму, приказав: – Обвяжи себя.
– Зачем так? Ты можешь вытащить меня с помощью магии, – фавн приподнялся и удивленно посмотрел на нее.

– И не подумаю. Делай, что говорю, иначе вытаскивать не буду.

– Ты злая... мне будет опять больно, – заскулил фавн.

– Конечно, злая... а ты думал, Владетельницы бывают другими? Быстро обвяжывай веревку, мне надоело ждать.

– Ты все равно не сможешь не использовать магию, – бормотал фавн, обвяжываясь веревкой, и стараясь при этом не шевелить сломанной ногой.

Увидев, что он закончил, Къяра тут же приказала:

– Спиной к краю ямы повернись.

Стеная, скуля и охая, фавн изменил положение. Къяра поднялась, взялась за свой конец веревки, обошла вокруг ближайшего дерева и несколькими резкими рывками вытащила скулящего фавна из ямы. Потом отпустила веревку и подошла к нему.

Фавн лежал на спине, и всхлипывал. Он был невысоким, всего три четверти человеческого роста, с густой рыжей шерстью, которая сейчас вся была вымазана грязью и кровью.

Къяра наклонилась над ним и внимательно осмотрела его раны, осторожно поворачивая с боку на бок. Все раны, кроме сломанной ноги, были неопасными. Острые палки лишь вскользь в нескольких местах порвали шкуру.

– Тебе очень повезло, – усмехнулась Къяра, – я думала, что тебе досталось сильнее.

– Ничего себе, – заскулил фавн, – я весь в ранах, а она говорит: повезло.

– Могло быть намного хуже. Не скули. Расслабь ногу. Там смещена кость. Я сейчас сделаю очень больно, зато потом легче будет.

– Нет, нет... не надо... не надо, – фавн дернулся, перевернулся со спины на живот и попытался отползти.

И в то же мгновение Къяра, наклонившись над ним, коленом надавила ему на спину и плотно прижала к земле. Потом повернулась и, схватив руками его сломанную ногу, резко дернула, выравнивая смещенные кости.

Дикий вопль, в котором слышалась несказанная мука, разорвал тишину леса, и фавн забился у нее под коленом. Къяра прижала его ногу к земле и еще сильнее придавила коленом, приговаривая:

– Все, все... уже все прошло, успокойся и не дергайся... тише, мой хороший, тише... уже все прошло... не шевелись и отпущу.

Через некоторое время вопль перешел в тихое поскуливание, и фавн затих.

– Отпусти... мне так трудно дышать... я не буду шевелиться, – наконец негромко попросил он.

– Вот, молодец, – Къяра отпустила руки и убрала колено со спины фавна.

Потом она взмахнула рукой, и из появившихся двух тонких досок и узкого полотна соорудила лубок, плотно охватывающий сломанную ногу фавна.

– Можешь шевелиться, – произнесла она, поднимаясь с земли.

– А повернуться и сесть можно?

– Можно.

Фавн осторожно повернулся и сел.

– Почти не болит... то есть болит, но меньше чем раньше... но еще плечо болит и бок, и на спине две раны... ты можешь что-то сделать? – фавн заискивающе посмотрел на нее.

– Могу... только не все сразу. Сейчас промою раны, – Къяра вновь склонилась над ним и в ее руке появилась мокрая ткань, которой она осторожно стала обтирать раны фавна, – а потом мазью замажу, и тебе станет полегче.

– У тебя такие нежные ручки, – фавн перехватил ее руку и прижался к ней щекой, – ты хорошая.

– Двадцать минут назад ты говорил, что я злая, – усмехнулась Кьяра, ласково обтирая его мордочку от грязи.

– Я хотел, чтобы ты использовала магию... я боялся, что ты сделаешь мне очень больно... Ты и сделала, особенно, когда ногу вправляла... но сейчас боль прошла, и я готов забыть, что ты была столь жестока со мной, – фавн посмотрел на нее и хитро улыбнулся.

– Нет, Вы только посмотрите на него... я вытаскиваю, лечу его, а он вместо благодарности, обвиняет меня в жестокости и в качестве одолжения предлагает мне забыть об этом, – Кьяра сокрушенно покачала головой.

– Не сердись, Владетельница... Ты ведь Владетельница этих мест, я правильно понял?

– Правильно.

– Не сердись... но это ведь твои люди поймали меня и довели до такого состояния... Ты должна была все исправить.

– Я знаю, что чем к вам лучше относишься, лесное отродье, тем вы больше наглеее и готовы сожрать целиком, как только вам палец дашь... только я не позволю, – Кьяра жестко рукой схватила фавна за ухо и с силой тряхнула. – Еще одно слово в таком тоне, и ты на площади в поселке ответишь за все, в чем тебя обвиняли мои подданные, а потом я при них же спущу с тебя шкуру... Понял?

– Понял, понял, Владетельница... не буду больше, – заскулил фавн, даже не пытаясь вырваться, – отпустите, больно же ухо.

– Вот так лучше. Так что я должна?

– Ничего... Вы ничего не должны, Владетельница... я очень благодарен Вам и буду слушаться, ну отпустите ухо. Прошу... молю, – всхлипнул фавн и вновь заискивающе посмотрел на нее, – я все понял.

– Это хорошо, что понял.

Кьяра отпустила ухо фавна, и он тут же, обхватив его руками, стал аккуратно растирать, бурча себе под нос:

– Сказать не могла... обязательно за ухо дергать... я бы и так все понял... я и так все понимаю... так нет, сразу за ухо...

Не обращая внимание на его бурчание, Кьяра сотворила баночку мази и стала замазывать все его раны.

– Еще на боку... там побольше помажь... и на спине, на спине тоже побольше... – фавн отпустил свое ухо и стал крутить головой, пытаясь через плечо увидеть, сколько мази она кладет на его раны.

– Прекрати вертеться, а то опять за ухо дерну, – строго одернула его Кьяра.

Фавн тут же послушно замер, но комментировать происходящее не перестал: – Ты плохо нижний край намазала, там длинная рана... и еще справа у хвоста, там что-то саднит, там тоже, наверное, раны, посмотри... ты мази-то не жалея...

– Все, – Кьяра распрямилась, и банка с мазью пропала из ее рук.

– Как все? – фавн обескуражено посмотрел на нее. – Ты не будешь больше меня лечить? Мне так понравилось, как ты меня мазала... Ну намажь еще что-нибудь, а?

– Ты очарователен, – рассмеялась Кьяра и рукой потрепала фавна по плечу.

– Я, правда, тебе нравлюсь? – фавн склонил голову на бок и лукаво посмотрел на Кьяру.

– Правда, и еще больше понравишься, если подзовешь какую-нибудь из местных лошадок, пасущихся вон за тем перелеском.

– Зачем?

– Ты хочешь, на одной ноге до своей пещеры прыгать или надеешься, что я тебя на руках туда отнесу?

– В пещеру? Ты хочешь узнать, где моя пещера? – испуганно проговорил фавн.

– А тут и узнавать нечего... вон на том лесистом склоне горы, за маленьким водопадом, у обрыва.

– Ты разрешишь мне вернуться в пещеру?

– Конечно... а ты что хотел?

– Я... я ничего не хотел... я думал, ты хочешь пленить меня.

– Зачем ты мне нужен? Живи себе здесь, только жителей местных постарайся не обижать больше.

– Я не обижал... они сами... я лишь яблоки иногда брал... ну или персики с грушам... я фрукты люблю, а в лесу их нет... вот я и брал иногда, а они то колючки установят, то караулят с собаками и травят... я убегал всегда, но иногда потом уводил скот то в овраг за горой, то в чужую деревню... а то забирал новорожденного ягненка или козленка... или сцеживал молоко у коров... но только когда они меня обижали... я не начинал первый никогда.

– Я поняла, ты идеален и ни в чем не виноват, – усмехнулась Къяра.

– Ну не совсем... яблоки-то я брал... и еще я действительно за девушками их наблюдаю... и иногда могу скрытно подойти и погладить... Девушки визжат и убегают... но я не ловил их, хотя мог... Они меня с помощью девушки в яму-то и заманили... Она на краю замаскированной ямы стояла, я подкрасться хотел и провалился...

– Ладно, я все поняла... Давай, зови лошадь.

Фавн кивнул, прижал руку к губам, а потом отвел и подул на нее. Минут десять они ждали, а потом послышалось мерная поступь лошади, и невысокая лошадка вышла из ближайшего перелеска.

В руках Къяры тут же появилась уздечка и, поймав лошадку за гриву, она быстро взнузда ее и подвела к фавну: – Залезай.

Фавн повел рукой, и лошадка тут же легла. Он осторожно заполз ей на спину и тронул рукой. Лошадка медленно и осторожно встала.

– Может, тогда без меня доедешь, раз так хорошо с ней управляешься? А узду потом сам снимешь, – поинтересовалась Къяра.

– Нет... указывать ей дорогу я не смогу, она может лишь найти меня... а уздой я управлять не умею... Отведи ее, – попросил фавн.

– Ну что ж, пошли, – Къяра взяла лошадку под уздцы и повела по еле заметной тропинке, выходящей вверх по склону.

Доведя лошадку до скрытого и хорошо замаскированного входа в пещеру, Къяра дождалась, пока фавн прикажет ей лечь и спустится с нее, а потом сняла узду.

– Я надеюсь, она сможет найти дорогу обратно... – усмехнулась она и с силой хлопнула лошадку по боку: – Пошла!

Лошадка тут же отправилась в обратный путь.

– Все иди к себе, я завтра приду твою ногу проверить, – проговорила Къяра, обращаясь к фавну. Потом, взмахнув рукой, открыла арку магического перехода и покинула его.

Жители поселения, собравшиеся на площади, уже несколько часов ждали появления Владетельницы. Все были взволнованы и очень боялись. Они слышали ужасный крик фавна в лесу и боялись, что после того, как Владетельница столь жестоко наказала фавна, может придти их очередь. Дети пытались хныкать и плакать, но взрослые настолько резко одергивали их, что плакать смели лишь младенцы, но даже им матери пытались прикрыть рот и тут же убаюкать.

Владетельница появилась неожиданно, шагнув прямо в центр площади, из неведомо откуда возникшей сверкающей арки. Все жители тут же повалились на колени лицом вниз и вытянув вперед руки.

– Здравствуйте в веках, Владетельница, – прокатилось по площади многоголосое приветствие.

Владетельница помолчала немного и, дождавшись звенящей тишины, нарушаемой лишь шелестом листвы деревьев, обрамляющих площадь, тихо, по треольски произнесла:

– Головы можете поднять...

Потом подождала, чтобы толпа коленопреклоненных жителей вновь затихла, и ее голос громовым раскатом зазвучал над площадью так, что все жители сжались и втянули только что поднятые головы в плечи.

– Я впервые в вашем селении и могу сказать, что таких подданных, как вы, видеть мне еще не доводилось. Мало того, что даже ваш старейшина не узнал меня, мало того, что вы бесчинствуете в моем лесу и всей округе, так вы еще и браконьерствуете, пытаетесь прикрываться словами о справедливом возмездии, и лишаете меня права вершить суд. Моего права! Этот фавн, на которого вы охотились – мой! И вы хотели лишить меня не только моих прав, но и моей собственности! И теперь я хочу знать, кто осмелился совершить такое: вы все или кто-то один, кто, пользуясь вашей доверчивостью и непониманием ситуации, склонил вас к открытому бунту против существующей власти. Моей власти и моего отца! Я хочу знать: кто?!

Тут же поднялся и шагнул вперед, стоявший в первом ряду на коленях, старейшина Росос и повалился к ней в ноги.

– Владетельница, это лишь моя вина, но я по незнанию... здесь не было умысла, поверьте... пощадите... я постараюсь все исправить, мы все исправим... любое Ваше приказание будет тут же выполнено, мы соберем удвоенный налог, в качестве компенсации или утренний, как прикажете... Мы будем беречь Вашего фавна, смилуйте, – срывающимся от волнения голосом проговорил он и замер.

Владетельница тяжелым взглядом обвела собравшихся, но молчала. Ее молчание тягостным, давящим гнетом повисло над площадью, его не смел прервать никто. И поселяне, с ужасом взиравшие на нее, и Росос, уткнувшийся лицом в землю и ждущий ее приговора, не решались даже шелохнуться. Где-то в дальних рядах захныкал младенец, но мать тут же с таким страхом прижала его к груди, что тот моментально затих.

Наконец Владетельница мрачно поговорила:

– Я вижу, вы действительно покорны и не покушаетесь на мою власть и мои права, и все происшедшее не более чем случайность... и вы хотите ее исправить. Я права? – повысила она тон.

– Да! – выдохнула толпа на едином дыхании так, что Къяре показалось, что это сказал один человек, но огромных размеров.

– Значит так, – продолжила она, – охотиться на фавна запрещаю, что бы он не творил. Можете лишь в экстренном случае пожаловаться мне, отправив письмо с нарочным. Потом каждое утро, пока в селении будут фрукты на деревьях или в ваших подвалах, за водопадом, у поляны вы будете оставлять корзину отборных фруктов для него. Налог увеличивать не буду, но только до тех пор, пока он не пожалуется мне на вас по любому поводу.

Владетельница помолчала немного, а потом тихо, но с такой угрозой в голосе, что кровь стыла в жилах, добавила:

– И еще... если у меня хоть раз снова появиться повод заподозрить ваше поселение в неуважении к моей власти, вы все пожалеете, что на свет родились... Всё!

Она взмахнула рукой и, шагнув в появившуюся перед ней арку, исчезла. Коленопреклоненные жители еще долго боялись даже пошевелиться, а Росос оторвать голову от земли.

На следующий день Къяра появилась на полянке за водопадом и увидела миленькую девушку, сидевшую рядом с корзиной фруктов. Глаза ее были красными от слез, и она хлюпала носом. Заметив ее, девушка испуганно вскрикнула и повалилась на колени.

– Здравствуйте в веках, Владетельница, – сдавленным шепотом проговорила она, уткнувшись лицом в траву.

– Голову подними, – Къяра с любопытством посмотрела на девушку. – Кто ты и что здесь делаешь?

– Я Мира, дочь старейшины, – пробормотала девушка, приподнимая голову, но все еще не осмеливаясь поднять глаза на Владетельницу, – отец прислал меня сюда с фруктами для фавна.

– Принесла и иди. Зачем тут сидишь?

– Это я... – девушка всхлипнула, – я заманила его в яму... Отец велел мне там стоять... А сейчас он сказал, чтобы я дождалась его, извинилась... и... – девушка расплакалась совсем и снова уткнулась лицом в траву, – и была... была мила с ним и все его желания выполнила...

– Ты боишься его? – усмехнулась Къяра.

– Да... он такой страшный и уродливый... но отец приберет меня, если я не исполню его волю.

– Иди домой, в таком виде фавн тебя, пожалуй, сам испугается... Отцу скажи, что он уже простил тебя.

– А завтра? – Мира приподняла голову и вопросительно посмотрела на Владетельницу.

– Что завтра?

– Отец сказал, что я постоянно буду ему фрукты носить.

– Он не обидит тебя, не волнуйся. И не коснется, если сама не позволишь. Но было бы неплохо, если завтра ты бы дождалась его и ласково с ним поговорила. Это ты можешь сделать без слез и рыданий?

– Поговорить могу... а он, правда, не будет меня трогать?

– Он может лишь попросить тебя об этом, но ты вправе отказать ему. Он не обидится. Только грубостей не говори ему, ладно?

– Я не буду... не буду говорить ему никаких грубостей... обещаю, – Мира усиленно закивала головой. – А он точно не обидится, если я каждый раз буду говорить: «нет»? Отец запретил мне обижать его и отказывать ему.

– Не обидится, он добрый... А отцу, не говори, что отказываешь, скажи, он сам не просит.

– А если он проверит?

– Скажи, фавн запретил за ним следить, узнает, мне нажалуется. И еще не рассказывай никому о нашем разговоре, сделаешь только себе хуже. Всё. Иди.

– Благодарю, Владетельница. Я клянусь, что никому ничего не скажу, – девушка клятвенно подняла руку, потом поспешно поднялась и побежала через полянку в сторону поселения.

Къяра усмехнулась, покачала головой и подняла корзину. Она была большая, и в ней были только отборные яблоки, персики и груши. С корзиной вместе Къяра подошла к входу в пещеру, нагнулась и осторожно сквозь небольшой вход пролезла внутрь. В длинном полутемном коридоре она поставила корзину на пол и тихо позвала: – Иди сюда, нечего прятаться.

Лишь молчание сырого коридора было ей ответом.

– Не надейся, искать не буду. Не выйдешь сам, через пять минут уйду, и ты не получишь ни лечения, ни фруктов.

– Я уже спешу к тебе, я тороплюсь изо всех сил... не сердись, – в коридоре послышалось шуршание, и от совершенно ровной стены отделилась фигура, хромающего и приволакивающего одну ногу, фавна, – я же не могу быстро...

Он доковылял до Къяры, сел рядом и, заглядывая ей в глаза, заискивающе спросил: – Ты мне принесла фрукты? Взять можно?

– Можно. Только это не я принесла, а местные жители. Девчушка, что тебе у ямы вчера понравилась, их принесла.

Фавн схватил персик и, жадно кусая, так что сок тек по подбородку, с набитым ртом спросил: – А где она?

– Ушла. Завтра придет, и дальше приходить будет, если пообещаешь сейчас мне не обижать ее, и даже не касаться без ее на то разрешения.

– Так она не разрешит, – фавн даже жевать перестал, и его мордочка жалобно сморщилась, – мне бы только коснуться, я не обижу ее.

– Будешь с ней ласков и не будешь пугать ее, месяца через два привыкнет к тебе, и сама разрешит ее коснуться.

– Не разрешит, никогда не разрешит, – фавн грустно покачал головой, – они все боятся меня и призируют.

– В любом случае ты пообещаешь мне, ее не касаться без ее разрешения, иначе она приходить не будет!

– Хорошо, я обещаю, – фавн поднял мохнатую руку. – Куда деваться раз ты такая злая.

– Вот и молодец. Только ты ошибаешься, думая, что никогда не разрешит. Если увидит, что тебя не стоит бояться, разрешит, и даже возможно подружится с тобой.

– Ты шутишь... никто с фавнами не дружит... одно слово «фавн» вызывает у всех отвращение. С нами только маги общаются, да и то своеобразно: ловят и в цепях в подвалах держат.

– Я разве поймала тебя и держу в цепях?

– Нет, пока нет... и я никак не могу понять: почему? – произнес фавн с набитым ртом, принимаясь за следующий персик. – Наверное, потом посадишь, как фрукты доем, так и посадишь...

– Ты поэтому утром выходить боялся? Думал, что я с цепями пришла?

– Угу, – кивнул фавн, запихивая в рот грушу. – Но если так кормить будешь, я и на цепи готов посидеть...

– Да не буду я тебя на цепь сажать, успокойся.

– А фрукты? – фавн испуганно взглянул на нее. – Ты же говорила, что их мне девушка носить будет.

– Будет... но причем тут цепи?

– Они не будут носить, если узнают, что ты не пленила меня... Не будут, я знаю, – фавн опять сморщил мордочку и даже отложил надкусанную грушу. – Они лишь из-за тебя прислали ее с фруктами...

– Будут. Я им велела, и они будут.

– Ты совсем не хочешь меня пленить?

– Нет, не хочу. Я поэтому и магию вчера не использовала, ты стал бы зависим от меня. И тебе было бы трудно это преодолеть, особенно после такой сильной энергетической потери. А так нет.

– Почему ты не хочешь? – фавн запихнул огрызок груши в рот и съел без остатка.

– Зачем ты мне? – Кьяра улыбнулась и ласково погладила его по плечу. – Живи здесь в свое удовольствие, не обижай никого и тебя никто не тронет больше.

Фавн озадаченно посмотрел на нее, а потом схватил за руку:

– Я хочу такую хозяйку, как ты. Я устал прятаться и всего бояться. Если ты не пленишь меня, я буду вновь бояться всех... А с твоим ошейником и клеймом, меня никто не посмеет тронуть... И ногу ты мне сможешь вылечить... раз только из-за этого вчера не захотела. Ну плени меня... Чего тебе стоит?

– Зачем ты мне? – еще раз повторила Кьяра.

– Я умею делать кабалиты... Все фавны умеют, но я умею лучше всех. Я сделаю тебе любой. Могу даже энергетикой четырнадцатой сферы выдерживающий сделать.

– Зачем тебе это, малыш? – Кьяра присела рядом с ним и, ласково улыбнувшись, провела рукой по его мохнатой щеке. – В моих владениях тебя и так никто не посмеет тронуть.

– Если на мне не будет ни твоего клейма, ни ошейника, гарантий нет, что меня не пленит любой другой проезжающий маг. Я хочу быть уверен, что меня не пленит никто другой! Принадлежать тебе, я согласен.

– Я злая, сам говорил... Даже утром выходить не хотел, а теперь: «плени меня, принадлежать тебе я согласен», – рассмеялась Кьяра, – к тому же, какой ошейник? Не смей меня. Вас потому и держат в магических цепях и подвалах, что вы снимете с себя любой...

– Подожди... только не уходи, прошу тебя, – фавн поспешно поднялся и заковылял прочь по коридору, держась за стены.

Через некоторое время шаги его стихли, а потом раздались вновь, указывая, что он возвращается.

– Вот, держи, – фавн подошел к Кьяре и протянул широкий обруч с ее монограммами на всем внешнем ободе и неразборчивой вязью на внутреннем.

– Твое тайное имя? – рассматривая обруч и указывая на вязь с его внутренней стороны, спросила Кьяра.

– Да, – кивнул фавн и вновь уселся рядом с корзинкой и взял яблоко, – как ты понимаешь, такой не сниму...

– Когда же это ты успел сделать?

– Сегодня ночью, – хрустко откусывая яблоко, произнес фавн.

– Ты же даже выходить боялся, а обруч зачем-то сделал, – удивилась Кьяра.

– Владетельница, – жуя яблоко с трудом произнес фавн, – я знал, что ты – маг... И мне со сломанной ногой не убежать от тебя из этой пещеры... Я ждал, что ты придешь с цепями... и все равно найдешь, как бы я не прятался... хотел умолить тебя оставить меня здесь, а не запирать в подвал. С этим ошейником любое твое приказание я выполню, где бы я ни был... и найти меня тебе проблем не составит, стоит лишь захотеть.

– Какой ты предусмотрительный, – покачала головой Кьяра. – Монограммы мои откуда узнал?

– Они у тебя на кольце, – не переставая жевать, ответил фавн.

– Ты еще и наблюдательный.

– Нам без этого никак. Ну так наденешь? Или еще тебя просить?

– Доедай и надену.

– Угу, – фавн зачихнул остатки яблока в рот и принялся торопливо жевать.

– Да не торопись, подавишься еще, – усмехнулась Кьяра.

– Я доел, – фавн повернулся и, с трудом встав на колени, попросил: – ошейник дай.

Кьяра встала и протянула ему обруч. Он взял его, потом надкусил себе палец и провел им по внутренней стороне обруча, оставляя кровавый след, и, проговорив: «клянусь быть верным тебе хозяйка», вернул ей.

Кьяра взяла его, с помощью своей магии разомкнула, надела на шею фавна и плотно замкнула вновь: – Доволен?

Фавн схватил ее руку и прижался к ней всей мордочкой.

– Ты лучшая хозяйка на свете, – проговорил он, потом поднял голову и, не выпуская ее руки, попросил: – Теперь клейми, только магию используй, чтобы не очень больно было, ладно?

– Где клеймо-то хочешь и какое? – спросила Кьяра.

– Там где будет сразу видно: на плече и внешней стороне руки, например, и большое...

– Большое так большое, – Кьяра высвободила свою руку из рук фавна, и наложила ее ему на левое плечо, а потом плавно и медленно провела ей по внешней стороне его руки от плеча к локтю.

Фавн весь напрягся и мелко задрожал, но не издал ни звука.

– Чего дрожишь? Разве больно сделала? – спросила Кьяра, убирая руку.

– Неет... А ты что, уже все сделала? Я думал ты только начала, – фавн удивленно разглядывал свое плечо, на котором красовался четкий зарубцевавшийся шрам от выжженного изображения короны с монограммой Владетельницы и руку, на которой теперь было изображение змеи овивающей клинок меча с ее монограммой на рукоятке. Это были знаки свидетельствующие, что он принадлежит ей, и находится под защитой ее оружия и ее законов.

– Красиво, – заключил он и с надеждой посмотрел на нее, – а ногу вылечишь?

– Вылечу. Осторожно перевернись, сядь и вытяни ее вперед.

Дождавшись, чтобы он сел, как она ему велела, Къяра склонилась над ним, быстро размотала удерживающую лубок повязку и наложила руки на ногу над переломом.

– Все, можешь встать, – произнесла она, поднимаясь.

Фавн ощупал свою ногу, а потом очень осторожно встал, держась за стенку. Потом оперся на нее, присел и даже попрыгал на ней: – Хорошо, совсем не болит... а теперь раны залечи, – он повернулся к ней спиной.

– Они же практически затянулись все у тебя. Чего их лечить?

– Они чешутся и зудят... и еще шрамы могут некрасивые остаться. Залечи!

– Ну и наглый ты... Сил никаких нет. А палец прокушенный не надо еще?

– Надо. И палец надо тоже, он же болит, – фавн обернулся и жалобно посмотрел на нее. –

Ну что тебе стоит?

– Хорошо, – Къяра повела рукой, и вокруг фавна закружилось легкое мерцающее облако. – Теперь доволен?

– Угу, – фавн повел плечами и тщательно ощупал себя. – Все хорошо, только...

Он не успел договорить, Къяра резко перебила его:

– Еще только потребуй что-нибудь, и я все уши тебе откручу!

– Откручивай! – фавн обернулся, повалился перед ней на колени и захныкал: – Ты теперь что хочешь со мной можешь делать... Откручивай! Я даже возражать не стану...

– Вот хитрая bestия... ну что тебе еще от меня надо? Говори, только учти, это действительно на сегодня последняя просьба, будет еще одна – накажу.

– Хорошо, хорошо, только одна и последняя, – фавн поднял голову и лукаво сощурился, – у меня очень сыро в пещере... Можешь сделать, чтобы здесь не было так сыро, но проход к водопаду остался?

– Могу, – Къяра повела рукой, и пещеру заволкло туманное облако, а когда оно рассеялось, воздух в пещере стал сухой и свежий.

– Это надолго? – спросил фавн, сосредоточенно обнюхивая воздух.

– Навсегда, – усмехнулась Къяра.

– Ты – волшебница.

– Нет, я – маг. Волшебники, это сказочные персонажи.

– Магов таких не бывает, – хмыкнул фавн, – ты действительно похожа на сказку, я все время боюсь неловко повернуться и проснуться.

– Ущипни себя, и перестанешь бояться, – проговорила Къяра и добавила: – Ну все, мне пора.

– Подожди секундочку... А девушка точно завтра придет?

– Пока в селении будут фрукты, приходит она будет каждое утро на поляну у водопада, если обижать ее, конечно, не будешь. Смотри, ты обещал мне!

– Я помню, – кивнул фавн и, вновь сев рядом с корзиной, принялся сосредоточенно выбирать какой бы еще фрукт ему съесть.

Къяра улыбнулась и, раскрыв арку перехода, шагнула в нее.

Инга была в своей комнате и размышляла, куда второй день подряд могла уходить сестра. Спрашивать ее об этом она боялась. Она видела, как та начинала злиться, если кто-то, за исклю-

чением Владетеля, конечно, хоть намеком спрашивал ее о том, где она была, что делала или что намеревается делать. В лучшем случае Къяра резко отвечала, что это не их дело, и все что им нужно знать, она сообщит, тогда, когда сочтет нужным. В худшем – сразу наказывала, даже без объяснения причин. Так было везде и в Лорене, и здесь.

Вчера Инга заметила сзади на подоле платья Къяры следы грязи и крови, но когда сказала ей об этом, та лишь кивнула и, поведя рукой, восстановила первоначальную чистоту своего наряда.

Исходя из того, что грязь и кровь, могли появиться на ее платье где угодно, только не во дворце и не в городе, Инга сделала вывод, что сестра была не в Лорене. Может быть, в землях своих киритов, а может быть еще где-то... И там она либо кого-то срочно убила, либо наоборот спасла.

Инга помнила, как резко остановилась вчера Къяра и, поведя рукой, что она делала всегда, чтобы что-то узнать, незамедлительно ушла через магический переход. Так как вернулась она вчера в достаточно хорошем расположении духа, можно было сделать вывод, что отлучка ее закончилась успешно. Но так как сегодня она ушла вновь, то, наверное, что-то ей еще было необходимо доделать...

«Наверное не убила... Ведь зачем возвращаться, если убила? Значит, наоборот спасала кого-то. Интересно от кого? И для чего в этом случае возвращаться?» – размышляла Инга, от нечего делать, перебирая в голове разные варианты.

Ей очень хотелось как-нибудь самой оказаться на месте сестры, причем, обладая уже всеми ее способностями. Чтобы так же легко и не задумываясь решать государственные проблемы, одним своим видом вызывать робость и страх, и быть уверенной в собственных силах и могуществе. Она бы тогда точно вела бы себя по-другому...

«Интересно, почему сестра стала такая жесткая, холодная и безжалостная, – думала она, – неужели из-за того, что ей пришлось испытать? Вот я бы такой не была... мне совсем не хочется унижать других. Мне жалко их... А она только этим и занимается. Вчера вот, поставила перед всеми придворными во время ужина начальника стражи города и начала допрашивать, как он отчетность ведет, как быт воинов отслеживает, какие у них доходы и какие расходы. Спрашивается: откуда он это может знать? А потом вообще обвинила его в поборах, недоплатах воинам, и даже всех его воинов в мздоимстве обвинила».

Инга видела, как у этого высокого, подтянутого седого мужчины тряслись руки и дрожал голос, когда он отвечал Къяре, и ей было жаль его. А уж когда, у него потекли слезы, и он стал на коленях униженно просить сестру о пощаде, обещая все исправить, комок сжал горло Инги так, что она не то что есть, даже дышать с трудом могла... Но еще хуже ей стало, потом, когда начальник стражи бросился целовать ноги Къяры, после того как та приказала охранникам его выпороть плетью и благодарил... благодарил за предстоящее наказание, пока его не вывели из зала. Комок из горла пропал, но ей стало стыдно... стыдно за этого так унижающегося представителя мужчины. Нет, она бы так никогда не смогла бы поступить, как Къяра. И почему интересно, нельзя достичь всего того, чем обладает сестра, не пройдя через такие испытания, наказания и боль, через которые прошла она?

– О чем задумалась, сестренка? – Инга услышала голос Къяры и от неожиданности вздрогнула. Она не слышала, как сестра вошла.

Обернувшись, Инга замялась и тихо произнесла: – Да так ни о чем... просто в окно смотрела.

– Не люблю, когда мне лгут, сестренка, – Къяра подошла к ней и жестко взяла за плечо. – Не хочешь говорить, имей мужество признаться.

– Если я скажу тебе, ты накажешь, – Инга посмотрела ей в глаза.

– Не накажу, я же сама спросила. Я могла бы наказать за высказанное мнение, когда о нем никто не спрашивал. А так, не накажу. Мне иногда хочется знать, что обо мне думают.

– Ты слишком жестока. Не ко мне, нет... Ты жестока вообще. Вот чем тебе вчера досадил начальник стражи? За что ты так с ним? Тебе нравится унижать?

– Я была жестока с ним? Да эта скотина, по-другому и назвать не могу, обирает весь предел, ему платят мзду все его воины, которые в свою очередь дерут три шкуры с проезжающих торговцев и путешественников, да и местных жителей тоже. Из-за него разорились по меньшей мере двадцать треольских торговцев. Он обрек их семьи, их жен и детей на голодную смерть, тебе их не жалко? Ты знаешь, что такое умирать от голода, нет? Ну, конечно, откуда? Вас, принцесса, никогда голодом не морили... Вы и картошку в костре печь лишь со мной научились, а то все больше на блюде и готовенькое. Он, да будет тебе известно, виновен, по меньшей мере, в смерти человек пятидесяти, а то и больше. Думаешь, его так никто не молил, униженно на коленях ползая? Только он не жалел никого и забирал товар даже у тех, кто оплатил все пошлины и имел все бумаги. Он бумаги получал, и говорил, что ему никаких бумаг не передавали, пока ему не платили взятку. И только тогда бумаги находились.

– Откуда ты это знаешь? Может, тебе наговорили про него?

– Принцесса, кроме того, что я умею проверять отчетность, я еще умею читать мысли... как тех, кто мне жалуется, так и тех на кого мне жалуются. Я редко пользуюсь этим, это достаточно тяжело, и как ты уже знаешь болезненно, но в этом случае, я воспользовалась этой своей способностью, и то, что я говорю тебе, проверенная информация.

– Тогда почему ты его не казнила?

– Да я только из-за тебя его вчера и пощадила. Как глянула, что ты в полуобморочное состояние впала, так и решила спустить ему все его бесчинства. На тебе же лица не было... Когда ты наконец поймешь, что управление Империей, да даже крошечным пределом, это кропотливая и тяжелая работа, заставляющая принимать и жесткие, и жестокие решения? За любым моим приказом стоит анализ ситуации, а не мое желание, хотение или блажь.

– Не надо было из-за меня, – Инга испуганно взглянула на сестру, – ты должна была казнить его, если все это знала.

– Конечно... приказать казнить, а потом вытаскивать тебя из-под стола или из блюда с салатом... и ближайшие несколько лет, а то и больше, пытаться остановить расползающиеся слухи. Отец был бы в ярости. Запомни, сестренка, он может простить многое, но никогда не простит утраты достоинства. Я и так сумею разобраться с начальником стражи, не волнуйся. Он навсегда забудет, что такое брать мзду. А не забудет, будет горько жалеть, что я не приказала казнить его за вчерашним ужином, поверь мне.

Инга заглянула в глаза сестре и поверила тут же. Такой мрачной, холодной и непоколебимой уверенности Инга еще не видела. Она отвела взгляд, а потом, решила спросить то, что ее сильно взволновало.

– Къяра, – растерянно произнесла она, – а что бы Владелец сделал, если бы узнал, что я в обморок упала?

Вслух Инга отца иначе не называла.

– Сестренка, точно сказать не могу... но непременно сумел бы заставить и меня лучше следить за тобой и тебя вести себя более достойно, а так же очень сильно пожалеть, что ему пришлось напоминать нам об этом. Я с детства знала, что как бы плохо и больно мне не было, лишь упав за смертью, я могу позволить себе перестать держать себя с достоинством и соблюдать правила придворного этикета.

– Он тоже бил и наказывал тебя?

– Нет, что ты... отец никогда меня и пальцем не тронул. Он умеет наказывать не физически. К тому же он всегда умело находил тех, кто мог хорошо это делать и без него...

– И он позволял им так с тобой обращаться?

– Нет, позволял не он, позволяла я.

– Как это?

– Я всегда знала, что стоит мне пожаловаться, и любой мой учитель будет тут же при мне казнен. Причем настолько мучительно, что даже смотреть больно... Поэтому такое себе я позволила лишь раз, когда еще не знала, что за этим последует.

– А они знали об этом?

– Не знаю, – Къяра пожала плечами, – кто-то знал, кто-то возможно – нет. А какая разница?

– Мне интересно, как они смели наказывать тебя, зная, что стоит тебе лишь пожаловаться, и их столь жестоко казнят.

– У меня были хорошие учителя, они были жесткими и жестокими, но учить умели хорошо, и никто из них не был трусом. Тот учитель, что учил меня военному искусству, так наоборот, узнав об этом, не раз угрожал, что сам лично скажет отцу, что не устраивает меня как учитель. И я знаю, что он сделал бы это, не выполни я его требований.

– Къяра, как это возможно?

– Элементарно. Для них всех их принципы, честь и долг всегда были превыше своей жизни и собственного благополучия. И меня они научили тому же.

– И ты тоже можешь пойти на смерть ради своих принципов?

– Легко, Инга. Я столько раз ставила жизнь на кон, что уже и со счета сбилась... и то, что смерть до сих пор обходит меня, скорее благоволение небес, чем моя заслуга.

– Неужели выигрыш столь значителен для тебя?

– Обычно – да. Хотя я умею и отступать, только делаю это крайне редко.

– Ты хочешь сказать, что ты идеальна?

– Я? Ну что ты... Нет, конечно! Единственное, что я умею делать, это управлять Империей и сражаться за нее, и делаю это неплохо. При этом я немилосердна, строга, раздражительна и жестока. Не умею быть ласковой, доброй и нежной... плохо умею прощать и совсем не умею любить. Моя любовь не принесла счастья никому. Мне не стать ни ласковой супругой, ни любящей матерью. Я очень антипатичное создание, не вызывающее кроме страха и ненависти никаких чувств. И я прекрасно знаю это... Но, к сожалению, это обратная сторона власти, которая не терпит ни сентиментальности, ни добросердечности, а требует лишь жесткого и строгого исполнения законов.

– Ты лжешь! – Инга раздраженно посмотрела на сестру. – Ты сама себе выдумала, что все это требует власть, и оправдываешь этим свое поведение!

– Это твое право так считать. Я тебе высказала свое представление о власти, к которому шла очень долго. Вернее меня вел отец.

– Вот именно! Он вложил тебе в голову то, что считает он. А ты даже перечить ему боишься и лишь в рот смотришь и киваешь: «да, Владетель, как прикажете, Владетель». Ты же сильнее его, ищи свой путь.

– Года три назад Инга, я тоже так считала, но жизнь заставила меня вернуться на путь, предложенный отцом, и последней каплей решившей все, была твоя мать Инга.

– Во-первых, она и твоя мать, а во-вторых, причем здесь она?

– Про то что, во-первых, я знаю, только язык у меня не поворачивает, столь ненавидящую меня женщину называть матерью, а во-вторых, именно знакомство с ней заставило меня полностью подчиниться отцу, иначе он бы вас казнил.

– Как казнил, за что? – Инга, широко распахнув глаза, изумленно посмотрела на сестру.

– Не за что, а почему. Потому что он хотел заставить меня подчиниться и это был самый надежный способ.

– Ничего не понимаю, – Инга помотала головой

– Отец сохранил вам жизни после того, как мать пыталась сбежать от него с единственной целью: познакомить меня с ней. Когда это произошло, вы перестали быть ему необходимы. Поэтому он поставил ваши жизни на кон и выиграл. Я подчинилась, потому что твердо знала: угрозу свою он выполнит, и не хотела быть причиной вашей смерти. Теперь понятно?

– Да. Только это невозможно.

– Спроси мать, она подтвердит. Она была свидетельницей этого разговора, и именно поэтому заставила тебя надеть мой кабалит, потому что знала, в противном случае он жестоко казнит и ее, и тебя.

– Это ужасно... Может он только пугал вас?

– Сестренка, он никогда не бросает обещаний на ветер. Он, не задумываясь, переступит через что угодно на пути к цели. Ему была нужна жестокая и беспощадная наследница Империи. И он ее получил. Ваши жизни – это последняя уступка с его стороны моим прошлым нравственным принципам, больше такого он мне не позволит. Моя покорность была ценой, которую я согласилась заплатить за них.

– А еще с чего ты решила, что мать тебя ненавидит? Ты что читала ее мысли?

– Нет, не читала... На ней кабалит отца, я не могу их прочесть. Только в данном случае даже читать ничего не пришлось. Она не скрывала ничего... она медленно и очень жестоко пыталась убить меня до тех пор, пока я не использовала магию отражения, и не появился отец.

– Она не могла! Ты что-то не так поняла! Она не могла пытаться тебя убить!

– Ошибиться, когда стоишь в луже собственной крови, и при этом на тебя еще обрушиваются мощный поток смертоносной магии, трудно, сестренка... Она маг, и то, что она любит тебя, совсем не означает, что она не может ненавидеть меня.

– Но за что? Ты же тоже ее дочь!

– Ради будущей наследницы наш отец пленил ее и казнил ее отца. Она не успела меня, как и тебя, лишит способности использовать магию... и вышло, что он получил то, что хотел, и я виновница всех ее бед.

– Но если бы она успела, то исходя из твоей логики, он бы убил всех нас сразу еще тогда...

– Вполне возможно, но она была готова рискнуть и пожертвовать всем, лишь бы он не получил ничего. Все эти годы она ненавидела меня и когда впервые увидела, то подумала, что у нее появился шанс лишит отца того, чего он так долго добивался. Она, к сожалению, не поняла, что именно приняв меня, лишила бы его наследницы, хотя я пыталась ей это объяснить. Но она не желала слушать и продолжала убивать, надеясь, что сумеет завершить задуманное, вот только я умереть не согласилась...

– Кьяра, не говори, не говори мне это! – Инга в ужасе прижала руки к вискам. – Этого не может быть... просто не может быть!

– Почему не может? Ты считаешь, что я лгу? Спроси у матери, когда вернемся. Вряд ли она будет отрицать это...

– Получается, что ради того чтобы спасти женщину, пытавшуюся тебя убить, и абсолютно неизвестную тебе девушку ты согласилась на то, чего отец никак не мог добиться от тебя?

– Эта женщина дала мне жизнь... а эта девушка моя родная сестра... которая правда считает меня жестокой и злобной фурией и вполне вероятно тоже тихо ненавидит. Но других у меня нет, – усмехнулась Кьяра. – Как впрочем, и у тебя. Так что придется нам с тобой довольствоваться тем, что есть.

– Кьяра... я не ненавижу тебя. С чего ты взяла, что я тебя ненавижу? – Инга в упор посмотрела на сестру.

– Я сказала: «вполне вероятно»... Я не уверена и не проверяла это. Но с чего тебе относиться ко мне по-другому? Из-за меня тебя вырвали из привычной обстановки, разлучили с матерью, которая безумно тебя любит, я строга и жестока с тобой. Вряд ли я заслужила дру-

гое отношение с твоей стороны. Поэтому я не обольщаюсь, я привыкла к такому отношению, почти все мое окружение и здесь, и в Лорене боится и ненавидит меня.

– Я не ненавижу тебя, – повторила Инга, – бояться, боюсь, ты действительно строга и сурова, но не ненавижу.

– Что ж, это радует, – Кьяра улыбнулась.

– Кьяра, – Инга вопросительно взглянула на нее, – я спросить могу?

– Спрашивай.

– Ты сказала, что не умеешь быть ласковой и нежной, не сможешь быть ни ласковой супругой, ни любящей матерью. Почему ты так считаешь?

– Я знаю... чувствую это.

– Ты же не пробовала.

– Быть матерью действительно не пробовала, и пробовать пока не хочу. А быть ласковой с мужчинами я не могу. Это сложно объяснить, но в любом из них, даже если он любит меня, я вижу лишь моего поданного, которого я обязана контролировать и не позволять покушаться на мои права.

– У тебя их было много?

– Не очень много, но и не мало.

– А я никогда не была с мужчиной...

– Тебе кто-нибудь нравится?

– Нет, – Инга отрицательно покачала головой.

– Когда понравится, скажи, я постараюсь сделать тебя его супругой.

– Я не хочу обручаться. Не хочу быть супругой какого-нибудь наместника или принца и рожать ему детей. Я хочу просто попробовать и испытать любовь и больше ничего... Как ты.

– У нас несколько разный статус, сестренка. Верности от меня не ожидает ни мой супруг, ни двор. А вот тебе было бы желательно выбрать того, кто будет твоим спутником на всю жизнь. Вряд ли будущий супруг, когда ты все-таки найдешь того, кого полюбишь, будет в восторге оттого, что он у тебя не первый.

– Я не хочу быть ничьей супругой! Не хочу всю свою жизнь посвятить супругу, детям и заботам о них.

– А что ты хочешь? – Кьяра удивленно взглянула на нее.

– Не знаю. Но этого я не хочу точно.

– Инга, когда я тебе предложила учиться владеть оружием, ты отказалась. Когда я попыталась заставить тебя разбираться с бумагами, ты с отсутствующим видом выслушивала мои объяснения и даже не пыталась вникнуть в суть. Из этого я сделала вывод, что сама ты не хочешь ни становиться воином, ни чиновником или наместником любого уровня, а теперь выясняется, что и супругой ничьей ты быть не намерена, так кем же ты хочешь быть? Красивой деталью окружающего меня интерьера?

– Ты умеешь делать больно, – Инга обиженно насупилась.

– Я задала честный и откровенный вопрос, он неприятен для тебя, я понимаю, но я не оскорбила и не унизила тебя. Чем я причинила тебе боль, Инга? Тем, что заставляю откровенно посмотреть на себя со стороны?

– Да, я не маг, не воин и не чиновник, и видимо, не способна ими стать. Но и становиться зависимой от мужчины, быть игрушкой в его руках не намерена, – с вызовом ответила та.

– Инга, так не бывает. Ты либо становишься способной сама выполнять должностные обязанности, любые какие пожелаешь... и тогда ты можешь быть независима от мужчин. Либо ты отказываешься от их выполнения, но попадаешь в зависимость от того, кто согласился их выполнять, – в голосе Кьяры послышались менторские ноты.

– Я уже попала в зависимость от тебя. Разве ты забыла, что на мне твой кабалит? Так вот я не хочу его менять на обручальное кольцо кого-нибудь из твоих подданных. Уж лучше я

буду подчиняться тебе, Владетельница Империи, чем тому, кого ты в любой момент заставишь встать на колени и, целуя тебе туфельки, униженно благодарить за любое наказание... – Инга недовольно фыркнула.

– По-моему, ты забыла, что я злобная и жестокая и в любой момент могу заставить именно тебя так валяться у меня в ногах. Поэтому раз не хочешь принимать на себя никакие должностные обязанности, лучше предоставь это мужчине. Поверь мне, ты еще повстречаешь того, подчиниться которому считаешь честью. Я ведь не тороплю тебя с выбором. Я лишь советую не спешить с любовными экспериментами.

– Почему забыла, что ты жестокая? Не забыла, – Инга тяжело вздохнула. – Я и так изо всех сил пытаюсь не прогневать тебя и выполнять все твои распоряжения. Разве нет? И если ты прикажешь мне обручиться с кем-то, разве я посмею ослушаться? Нет, конечно. Но ты спросила, что я думаю и что я хочу, и я тебе честно ответила. Ты вправе запретить мне... но не делай меня еще более несчастной, я не хочу заранее хранить верность тому, кого ты мне выберешь в качестве супруга. Я хочу испытать мужскую любовь. А для любого, кого ты мне выберешь, и так будет огромная честь получить в качестве супруги твою сестру.

– Хорошо, когда вернемся в Лорен или в мой дворец в Кирите, ты получишь любого наложника... сама выберешь. Только зря ты... – Къяра с явным сожалением посмотрела на сестру. – Потом поймешь, что зря. Ты можешь быть любима своим супругом всю жизнь, и способна дарить любовь в ответ, не отказываясь от этого заранее. Я не собираюсь обручать тебя без твоего согласия.

– От меня согласия ты не получишь никогда. Я могу лишь подчиниться.

– Ой, не зарекайся, Инга. Ты просто не повстречала еще свою любовь.

– А ты?

– Я не могу повстречать. Но даже если повстречаю, мне придется убить это чувство.

– Почему?

– Потому что, Владетельница не может любить. Любовь делает уязвимой, а Владетельница не имеет права быть уязвимой, это ставит под удар Империю, а ставить под удар Империю она не должна – это закон.

– Значит, ты – не должна, а я – не хочу. Не хочу любить. Любовь это еще и подчинение, а я не хочу подчиняться мужчине. Я хочу лишь испытать и ощутить, что стоит за этими взаимоотношениями и не более того.

– Дело твое, учиь сама принимать решения, а потом за них отвечать. Мое дело – предупредить. Ничего запрещать тебе я не буду. Хочешь – получишь, то, что хочешь, – губы Къяры изогнула усмешка, она покачала головой и вышла из покоев Инги, бросив на пороге: – Через полчаса приходи в пиршественную залу.

Вернувшись в Лорен, как только Къяра отпустила ее, Инга прибежала в комнату матери, бросилась к ней и обняла:

– Мамочка, как же я соскучилась...

– Инга, девочка моя, – мать прижала ее к себе, – как я счастлива тебя видеть. Я так волновалась за тебя. С тобой все в порядке?

– Не волнуйся, все хорошо, – Инга ласково поцеловала ее.

– Это точно? Она ничего не повредила тебе? Ты скажи, если что-то болит, я ведь могу помочь, ласточка моя... она не узнает ничего, не бойся, – Алика отстранилась и стала ощупывать Ингу со всех сторон.

– Мама, прекрати, ничего она мне не повредила, – постаралась вывернуться Инга.

– Она очень сильно тебя наказывала?

– Мам, успокойся. Она ни разу не наказала меня. Угрожать, угрожала... но я старалась не давать ей повода эти угрозы выполнить.

– Какая же ты умница, девочка моя... Ты и дальше не спорь с ней, и постарайся все исполнять... и может быть, у вас сложатся нормальные отношения... это было бы замечательно, – мать снова прижала Ингу к себе, – твоя сестра не столь сурова и безжалостна, как кажется на первый взгляд.

– Да, мам, я уже поняла... Она очень требовательна и строга, но действительно чаще всего справедлива... Хотя мне с ней очень тяжело, она требует от меня иногда просто невозможного...

– Но ведь тебе удавалось все выполнять, раз она тебя не наказывала?

– Да, удавалось... но чего мне это стоило, мам, ты не представляешь.

– Значит, не невозможного, а трудновыполнимого. Это разные вещи, ласточка моя.

– Не придирайся к словам... лучше скажи, отец правда хотел нас убить, когда она пришла?

– Да, он ей сказал, что казнит нас, если она не заберет нас себе и не покорится ему...

– Он бы сделал это?

– Не знаю... Я знаю лишь то, что ему было очень надо, чтобы Къяра поверила в то, что он сделает это, и покорилась, и он сумел этого добиться.

– А ты, правда, ненавидишь ее?

– С чего ты это взяла?

– Она сказала. И еще сказала, что ты хотела ее убить. Так это правда или она солгала?

Она часто говорит, что все маги лгут.

– Я действительно пыталась убить ее... причем очень жестоко. Она не солгала тебе.

– Зачем?

– Я... – мать отошла к окну и отвернулась, – я не хочу говорить об этом, Инга.

– Так ты действительно ненавидишь ее? – растерянно протянула Инга.

– Нет, – мать повернулась к ней и посмотрела прямо в глаза, – она моя дочь, как я могу ее ненавидеть? Она не сделала мне ничего плохого и всеми силами пытается защитить и меня, и тебя от своего отца... Только не говори ей об этом, ладно?

– Ничего не понимаю... Зачем тогда ты пыталась ее убить?

– Так получилось... Не спрашивай меня.

– Мама, я ничего не понимаю. Как могло получиться, что ты собиралась убить родную дочь, которую не ненавидишь?

– Я испугалась, Инга... очень испугалась, когда она пришла... – Алика судорожно перебирала в голове варианты ответов, на заданный дочерью вопрос. Она знала, что рассказать правду не может, поэтому надо было срочно придумывать какое-то более-менее правдоподобное объяснение: – Я подумала, что она пришла за тобой и защищала тебя... – продолжила она, – и ради тебя была готова убить ее. Она так неожиданно пришла, что я растерялась и совсем не могла думать... и то, что она не сопротивлялась, приняла не за ее выдержку и силу, а наоборот, за ее слабость... и решила этим воспользоваться. Это потом я узнала, зачем она приходила, и увидела, чем она ради нас пожертвовала... и сейчас я очень раскаиваюсь в том своем поступке... я понимаю, что она мне не простит этого никогда... однако сделанного не вернуть.

– Ты раскаиваешься, потому что она оказалась сильной? То есть если бы она была слабой, и ты смогла бы убить ее, ты бы не раскаивалась?

– Не знаю, Инга, мне трудно ответить на твой вопрос. Наверное, я бы раскаивалась, что убила... А может и не раскаивалась, потому что Владетель быстро бы меня казнил после этого... Мне сложно говорить об этом, я была в состоянии стресса и пока он не появился, вообще плохо соображала.

– Мам, но если бы ты убила ее, а Владетель потом тебя бы казнил, то он бы и меня казнил...

– Нет, Инга, тебя бы не казнил... ты осталась бы единственной его наследницей в этом случае... Ему пришлось бы сделать из тебя номинальную наследницу, обручить и ждать от тебя наследника или наследницу... потому что ты неспособна самостоятельно управлять Империей.

– Что значит номинальную наследницу?

– Ты была бы послушной марионеткой в его руках или руках выбранного им тебе супруга. Тебя бы жестко заставляли беспрекословно слушаться и повиноваться, но это все равно лучше, чем смерть... Я была уверена, что Къяра убьет тебя.

– Почему?

– Потому что Владетель постоянно пугал меня рассказами, какую злобную и жестокую дочь ему удалось воспитать, и как она держит в страхе всю Империю... и что если я не буду покорна, он отдаст тебя ей, чтобы она тебя жестоко казнила... Поэтому, когда она появилась, я подумала, что она пришла за тобой... и я не слушала, что она говорила, я была уверена, что она лжет...

– А почему ты не подумала, что у Владетеля самого могут быть другие дети?

– Прцветание его Империи предсказано лишь в том случае, если в жилах его наследников будет кровь моих родителей... Поэтому он либо убивал рождавшихся детей, либо заранее лишал своих женщин возможности иметь их... Кроме тебя и Къяры у него нет детей и не будет... однако, пока она жива, его интересует лишь она.

– Мамочка, какое счастье, что ты в детстве надела на меня этот браслет... и не убила тогда Къяру... Я бы не вынесла, что мне необходимо подчиняться Владетелю... Къяра хоть и строга, но она хоть немного человечна, а он... он... он – безжалостное чудовище... – Инга прижалась к матери, и та нежно поцеловала ее и ласково погладила по волосам.

– Успокойся, моя девочка, все будет хорошо... Я рада, что Къяра не жестока с тобой. Попробуй найти с ней общий язык. Ее отец постарался вырвать у нее сердце, но бессердечной ее все равно назвать трудно. Возможно, ты сумеешь ей дать хоть немного любви, которой у нее не было никогда... и она хоть чуть-чуть отгадет.

– Отгадет? Мам, это невозможно. Стоит мне лишь чуточку попытаться приласкаться к ней, и она становится непреступно холодна и сурова. «Принцесса, Вы, что себе позволяете?!» – передразнила она Къяру. – А про остальных, я и не говорю... Ты бы видела, как от одного ее взгляда трепещут любые мужчины... Даже воины, закаленные в боях, перед ней дрожат и трясутся, стоит ей лишь бровью повести... Она сама сказала, что неспособна быть ласковой и доброй и не умеет любить. За все это время она лишь пару раз, когда мне уж совсем плохо было, разговаривала со мной нормально, по-человечески... А все остальное время она жестка как камень и холодна как лед.

Глава 3

Къяра появилась в апартаментах Норлана, как обычно, используя магический переход.

– Здравствуй в веках, Владетельница, – приветствовал он ее, опускаясь перед ней на колени.

– Уже знаешь? – усмехнулась она.

– Да, Владетель сказал мне и еще предупредил, что передает обитель полностью под Ваш контроль.

– Ну что ж, тем лучше, что ты знаешь, – усмешка едва заметно тронула ее губы. – Магический занавес на дверь поставь.

Не поднимаясь с колен, Норлан повел рукой, выполняя ее приказ, и склонил голову:

– Что еще прикажете, Владетельница?

– Встань и сними облачение, а потом вновь подойдешь ко мне.

Норлан молча встал, снял облачение и, подойдя к Къяре, вновь опустился на колени.

В ее руке появилась связка цепочек с семью звездочками.

– Даже так... – усмехнулся Норлан, взял ее руку, поцеловал и, глядя прямо в глаза, произнес: – Я полностью в Вашей власти, госпожа.

– Кабалиты яви.

– Как прикажете, – вновь усмехнулся Норлан, и на его теле стали медленно проступать семь широких металлических обручей плотно охватывающие его тело, руки и ноги, а потом стали видны и плотно соединяющие их тонкие цепи.

Только теперь Къяра поняла, почему обилайт ходил, всегда немного сутулясь, хотя был магом. Распрямиться ему не давали цепи, охватывающие все его тело.

Къяра бросила перед Норланом связку звездочек:

– Сними это, я хочу, чтобы ты надел другой.

– Я, конечно, сниму, Къяра... от таких предложений не отказываются. Вот только другой ты вряд ли заставишь меня надеть. Ты немного переоцениваешь свои возможности. Твой отец не зря держал меня в этих цепях, как ты могла бы догадаться, – произнес он, подбирая связку ключей от пленяющих его кабалитов.

– Я знаю, что не смогу тебя заставить. Но тебе придется убить меня, чтобы уйти. Я знаю, что ты можешь это сделать, и если честно даже хочу этого. Я устала жить так, как предопределено... попробуй изменить это... я не отпущу тебя иначе.

– Не надо блефовать, Къяра. Я не знаю, зачем ты сделала то, что сделала, но не испытывай судьбу. У тебя нет ни единого шанса. Ведь отец не мог не предупредить тебя, что я владею тем, чем ты не владеешь, – произнес Норлан, скидывая шипованные обручи и цепи и поднимаясь с колен. Потом он взял свою одежду и стал медленно одеваться.

– Да, он сказал, что без этих кабалитов ты можешь владеть четырнадцатым уровнем, причем в совершенстве... Но этого мало, чтобы уйти... Ты должен убить меня, тогда уйдешь, – тихо, но очень уверенно произнесла Къяра.

– Ты сдашься и так, самоуверенная девочка, – качнул головой Норлан. Одевшись, он подошел к ней и, устремив взгляд прямо в ее глаза, взял за руку.

Къяра поставила мощный блок и заставила Норлана довести его энергетический посыл до максимального уровня, который уже не выдерживала, а затем, резко сняв блок, приняла весь поток энергии четырнадцатой сферы. Это должно было сразу и резко убить ее. Однако Норлан, который почувствовал это, тут же воздействие снял и параллельно ввел другое, поддерживающее ее. После чего закрыл сферу.

– Хорошо, ты выиграла, – обхватив Къяру за плечи и медленно опускаясь с ней на ковер на полу, произнес он. – Я надена все, что ты хочешь, если позволишь убрать последствия ударной волны.

– А ты действительно меня любишь... Я не верила. Была уверена, что убьешь, – с трудом ворочая языком, произнесла Къяра.

– Да, я уже понял. Поэтому и надеялся, что испугаешься и отпустишь.

– Не отпущу...

– Ты непредсказуема. Потерпи, сейчас сделаю достаточно больно, зато потом легче будет.

– Да, – кивнула Къяра и последним усилием открыла доступ к собственной энергетике, принимая новую волну, рвущей сознание на куски, нестерпимой боли.

Очнувшись она по-прежнему на полу, ее голову и плечи нежно поддерживал Норлан, сидевший рядом с ней. Во всем теле Къяра чувствовала сильную слабость, такую, что с трудом могла пошевелиться и при этом внутренне ощущала необыкновенную легкость и невесомость. Это были столь несовместимые ощущения, что Къяра тут же сообразила, что ее энергетически подпитывает Норлан.

– Ты просто волшебник какой-то, а не маг, – улыбнулась она и нежно рукой коснулась его щеки.

– Тебе легче? – ласково спросил он, поймав ее взгляд.

В его глазах Къяра увидела такую бездну любви, что, не сумев справиться с эмоциями, опустила руку и отвела глаза, в которых сверкнули слезы.

– Этого не может быть, – тихо прошептала она.

– Почему?

– Я это так долго искала... особенно в тебе, что уже не верю... мне страшно поверить... Я столько раз обманывалась... если ты сейчас обманываешь меня, то лучше убей. Обмануться еще раз... я не вынесу.

– Сокровище мое, я посвятил тебе восемнадцать лет моей жизни, я отдал тебе самое дорогое, что у меня было – сына... Ты ведь была с ним счастлива, хоть и недолго. Какие еще доказательства тебе нужны?

– Ты знал... Конечно же, ты знал... Как я не догадалась... Не закрыть дверь и не поставить на нее магический занавес, с твоим-то опытом и пунктуальностью доведенной до автоматизма было невозможно. Это я в запале спора с тобой могла не заметить присутствия Кая, но не ты, – Къяра рукой взяла Норлана за плечо и несильно сжала его. – И ты позволил нам играть и делал вид что веришь... Какая же я была кретинка... не видеть очевидное. Но я была так горда, что у меня получается морочить тебе голову, что я предпочитала все это не замечать.

– Тебе было лишь шестнадцать... это было естественно.

– Непонятно лишь как тебе удавалось морочить голову Владетелю, с такими-то кабалистами, или он тоже знал?

– Нет, он не знал... Он до сих пор не знает, что Кай – мой сын. Он никогда не спрашивал меня об этом. А в вашу игру я заставил себя искренне поверить, поэтому и он поверил вместе со мной.

– Скажи, а ты действительно поверил, что я тогда пыталась перед казнью тех трех учеников, которых не смогла выучить?

– Ты тогда все сделала великолепно... Я почувствовал игру лишь по четко выраженным краям образа в информационном поле, но Владетель не заметил ничего, а уж Кай тем более.

– Зачем ты тогда повел себя так и позволил мне считать информацию о том, что он твой сын?

– Я нашел удобный момент, чтобы дать тебе повод для шантажа. А ты им не воспользовалась.

– Да. Я не смогла...

– Кстати, я знаю, что Кай очень обременяет тебя, может быть, ты все же отдашь его мне хоть теперь?

– Зачем?

– Я избавлю тебя от него.

– Если ты все знаешь, то знаешь, что он любит меня и не переживет, если я от него откажусь.

– Переживет. Если ты отдашь его мне, я обращусь за помощью к Хилтор, она умеет ломать даже магов, он быстро забудет о любви, поверь мне.

– Нет, не отдам! И вообще, он же твой сын, как ты можешь говорить такое?

– А что это меняет?

– Ты не изменился...

– А с чего ты решила, что я должен был измениться?

– Ну, хотя бы с того, что над тобой больше не довлеет власть Владетеля.

– Зато она довлеет над тобой... Или я не прав, и ты сумела обыграть его?

– Нет, не сумела... я очередной раз разочаровалась и жестоко обманулась в ожиданиях. А он, доказав мне, что он опытнее, мудрее и более правильно умеет оценивать жизненные ситуации и принимать более верные решения, получил от меня все, что хотел... Я подчинилась ему. Твои ключи – награда за покорность.

– Я так и думал. Лишь не ожидал, что ты осмелишься снять с меня кабалиты. Вот скажи, зачем ты это сделала? Неужели Владетель не запретил тебе?

– Нет, не запретил. Он предупредил, что это смертельно-опасная игра, но ты любишь меня, и если я сумею тебя подчинить без этих кабалитов, то получу учителя, способного научить меня владеть четырнадцатой сферой. Я не поверила, но решила сыграть, так как устала, очень устала... И еще мне хотелось хоть раз доказать ему, что он ошибся.

– Доказать ценой собственной жизни?

– Ты думаешь, я ей рискую первый раз? Я уже столько раз ставила ее на кон, что перестала даже задумываться над этим. Я и вообразить себе не могла, что он опять прав, и что я получу в итоге... Но результат мне нравится и даже очень, – Къяра крепче сжала плечо Норлана. – Почему ты хотел уйти?

– Ты столь люто ненавидела меня, что я и представить не мог, что ты сможешь через это переступить. Если бы ты решила просто использовать меня, как твой отец, я бы понял. Но остаться с тобой по собственной воле, когда одно мое присутствие заставляло тебя каждый раз сжиматься в комок нервов, было выше моих сил. Я и так отдал тебе все, что мог. Я сделал тебя сильнее твоего отца и научил всему, чему мог на тот момент. Поэтому я подумал, что мне лучше уйти. Но оказалось, я плохо тебя знал.

– От ненависти до любви, видно, тоже один шаг, – тихо рассмеялась Къяра. – Я ненавидела лишь по одной причине, я не могла добиться от тебя любви... Ты казался мне бесчувственным и холодным надсмотрщиком, получающим удовольствие лишь унижая и жестко подчиняя окружающих. При этом я всегда восхищалась твоей выдержкой, умением находить максимально выгодное для тебя решение и использовать любую ситуацию в своих целях. Вот скажи, зачем ты всегда вел со мной себя так, чтобы я тебя ненавидела? Ведь ты видел, как я добивалась если не похвалы, то хотя бы твоего одобрения.

– Это было требование Владетеля.

– Слушай, а как так получилось, что он сумел пленить тебя?

– Пленил меня не он... Пленила меня ты.

– Я?

– Да.

– И как же это вышло?

– Къяра, это очень длинная история.

– Ты куда-нибудь торопишься?

– Нет. Но слушать длинную историю, лежа на полу, я думаю, не особенно приятно. Может, ты согласишься, чтобы я перенес тебя на кровать?

– На кровать? Конечно, соглашусь, – улыбнулась Къяра и нежно обхватила Норлана за шею.

Он осторожно поднял ее на руки, отнес к себе в спальню и бережно опустил на кровать. А потом, опустившись на колени перед кроватью, с улыбкой произнес:

– Давай свой кабалит, мое сокровище, я надену его, как обещал. Думаю, раз Владетель не запретил тебе снимать с меня свои, то не мог не позаботиться о том, чтобы у тебя была достойная замена.

– Нет, об этом позаботилась я. Вот, – в руке у Къяры оказался неширокий кабалит из мягкой кожи с частыми, но очень тонкими шипами.

– Откуда это у тебя? – удивленно спросил Норлан, беря у нее из рук кабалит.

– Я пленила треольского фавна. Он сделал это для меня.

– Где он сейчас?

– Там же, где и раньше... в своей пещере.

– Это называется «пленила»?

– Я надела на него обруч раба и клеймила.

– Фавны способны снять что угодно...

– Этот не снимет. Он сам принес мне клятву на собственной крови. К тому же титул моего раба дает ему слишком много, чтобы он захотел от этого отказаться.

– Это меняет дело. Своих клятв фавны не нарушают, особенно если они им выгодны. Ты становишься расчетливее и прагматичнее, это радует.

Норлан вновь опустил на колени, надел кабалит и резко затянул. Къяра тут же, приподнявшись на кровати, коснулась его рукой и превратила в неширокое золотое кольцо, плотно охватывающее шею.

– Я полностью в Вашей власти, госпожа, – произнес Норлан стандартный зарок, целуя руку Къяры, и с улыбкой добавил: – Скрыть его позволишь?

– Попробуй. Я скрыть его точно не могу, возможно, тебе и удастся.

Норлан провел по колье рукой, и оно исчезло, словно растворившись на его шее. Он усмехнулся: – Сложно, но можно. Вообще-то ты пленила мастера своего дела.

Неожиданно он еще раз провел по шее рукой и, подхватив рукой проявившееся кольцо, резко дернул, после чего со стоном повалился на пол. Къяра тут же вскочив с кровати, бросилась к нему. Опустившись на колени, она наклонилась над ним и обхватила за плечи, снимая своей магией последствия действий Норлана:

– Ты хуже, чем ребенок... Предупредить, что ли не мог, что проверить собираешься? Я бы ударное воздействие компенсировала, и проверяй, сколько хочешь.

– Прекрати! Ты не должна сейчас использовать магию! – отвел ее руки Норлан.

– Да неужели? Вот не выкидывай такие фокусы, тогда и не буду.

– Ты невозможна. Убирай свое воздействие, мне уже хорошо. Тебе самой сейчас намного хуже, чем мне, – поднимаясь с пола и подхватывая Къяру на руки, произнес Норлан. Он вновь осторожно уложил ее на кровать.

– Посиди рядом со мной, – попросила Къяра, поймав его за руку.

– Я не могу Вам отказать, госпожа, – усмехнулся Норлан и сел на кровать рядом с ней.

– Ну не надо так со мной... – скривилась она. – Не хочу! Еще раз так назовешь, обижусь.

– Хорошо, Владетельница, как скажите.

– Ты нарочно? Да?

– Конечно, мое сокровище. Ты разозлила меня, упрямая девчонка, – губы его тронула едва заметная улыбка. – Зачем применяла магию? Тебе категорически нельзя сейчас ее использовать!

– Я лишь компенсировала и преобразовала твое поле, я не задействовала собственную энергетику.

– Все равно это нагрузка, а тебе надо восстановить силы, – Норлан, не отнимая руки из ее рук, наклонился над ней, ласково поглаживая по волосам другой рукой. – К тому же неужели ты думаешь, я сам бы не справился с этим? Давай закрывай глаза, тебе необходимо отдохнуть.

– Тебе незачем справляться с моей магией... я не хочу, чтобы она причиняла тебе вред, – прошептала Къяра и, закрыв глаза, совсем тихо добавила: – А ты, оказывается, умеешь быть нежным...

– Да, мое сокровище, умею. Поспи, тебе это необходимо.

– Только не уходи, ладно? – Къяра приоткрыла глаза и крепче сжала руку Норлана.

– Ты прям как маленькая, – он сел на край кровати. – Куда же я могу от тебя уйти? Особенно теперь?

– Я всегда верила, что ты можешь все... и боялась тебя даже больше отца, хотя всегда старалась этого не показывать, – чуть слышно призналась Къяра и закрыла глаза, проваливаясь в темную бездну сна.

Проснулась Къяра часа через три, отдохнувшая и полностью восстановившая свои силы. Рядом с ней сидел Норлан, ласково обнимая за плечо.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Великолепно, – приподнимаясь в кровати, ответила она.

– Это радует. Но вставать тебе сейчас все равно нельзя, поэтому ляг и не дергайся, – Норлан решительно надавил на ее плечо, вынуждая снова откинуться на подушки.

– С чего это ты раскомандовался? – улыбнулась Къяра.

– Сокровище мое, ты хочешь научиться владеть четырнадцатым уровнем?

– Хочу.

– Тогда будешь слушаться беспрекословно. Иначе учить не буду.

Къяра приподнялась, нежно обняла Норлана за шею и притянула к себе.

– А я заставлю, – смеясь, произнесла она.

– Не заставишь... если не будешь слушаться, сможешь лишь убить, – ласково, но твердо произнес Норлан.

– Это шантаж.

– А ты как думала, что я соглашусь учить тебя высшей магии, не поставив никаких условий?

– Конечно, – Къяра, не отрывая взгляда от глаз Норлана, нежно улыбнулась. Потом еще крепче обняла, ее губы коснулись его губ, а глаза поймали его взгляд, приглашая опытного мага погрузиться в пучину так долго скрываемых им чувств.

– Къяра, прекрати! – Норлан попытался высвободиться.

– И не подумай... не противься, все равно не отпущу, – прошептала она, и ее губы вновь нашли его губы.

– Къяра, не надо! Я понимаю, что ты пытаешься найти еще один способ воздействия на меня, но это ни к чему! Ты и так все получишь, – он оттолкнул ее, – я буду тебя учить всему, чему захочешь.

– Все получу, говоришь? – лукаво спросила Къяра и с улыбкой добавила: – Так обними меня. Сейчас я хочу получить именно это.

– Къяра, ты потом пожалеешь об этом... это лишь твоя минутная прихоть. Не надо, не запутывай наши взаимоотношения. Сейчас ты не знаешь, как избавиться от Кая, а потом тебе придется искать способ избавиться от меня.

– Это ты все запутываешь... и все усложняешь. Я теперь знаю, что ты меня любишь, чтобы ты не говорил... и заставлю тебя перестать скрывать эти чувства.

– Хорошо, мое сокровище, – Норлан ласково посмотрел на нее, – как скажешь. Когда начат обратный отсчет, надо получать удовольствие от каждого мгновения. Потому что каждое такое мгновение – счастье.

– Я знала, что ты так скажешь, – прошептала Къяра, крепко прижимаясь к нему. После чего утонула в океане чувств, эмоций и головокружительных ощущений.

Когда Къяра утомленная и обессиленная отстранилась и откинулась на подушки, Норлан, облокотившись на локоть, приподнялся и окинул ее долгим взглядом.

– Устала? Хочешь отдохнуть?

– Да. Я не испытывала такого никогда... И ты хотел лишить меня этого... изверг.

– Сокровище мое, я и не предполагал, что ты можешь предпочесть объятия старого мага, молодым, хорошо подготовленным и искусным любовникам, – Норлан поднялся с кровати и стал поправлять одеяние.

– Ну, пятьдесят три для мага, это не старость... не приbedняйся, это – во-первых. А во-вторых, я люблю тебя, учитель.

– Сокровище мое, – Норлан резко обернулся к ней, – не надо разбрасываться такими словами.

– Я не говорила таких слов, кроме отца, никому и никогда... но как ты понимаешь, к нему у меня любовь несколько иная.

– Даже Катарине? – Норлан вернулся к кровати.

– Почему «даже»? – не поняла Кьяра.

– Потому что я знаю, как ты к ней относилась.

– Нет, не говорила, – с усмешкой покачала она головой. – Она действительно была очень дорога мне, и я любила ее. Но не так, как ты думаешь. Между нами ничего не было... Она была дорога мне как сестра. А уж у нее ко мне чувства были еще своеобразнее. Я была нужна ей, и она очень отчетливо осознавала это и вела себя соответственно.

– Вот ведь стерва, – Норлан поморщился, потом испытующе посмотрел на Кьяру. – Так ты это понимала?

– Нет, конечно, – она грустно улыбнулась, – это сейчас я понимаю. А тогда она была для меня единственной отрадой, и ее слова о любви ко мне были необходимы мне как воздух.

Привстав на кровати, Кьяра неторопливо стала поправлять прическу, продолжая говорить:

– Ты не представляешь, как же мне было больно, когда, умирая, она признавалась мне в своей ненависти ко мне и в том, что лгала мне все эти годы... Я убеждала себя, что она делает это лишь от боли, не понимая, что говорит. И лишь это поддерживало меня тогда, и позволило не сойти там с ума. Только спустя долгое время я нашла в себе силы осмыслить заново всю эту ситуацию и осознать, что именно там она была искренна. И простить и ее, и тебя.

Стоящий перед ней Норлан не мог сдержать удивления: – Ты действительно простила меня? – недоверчиво переспросил он.

– Давно. Поняла, почему ты это сделал, и простила, – Кьяра, подложив под спину высокие подушки, села в изголовье кровати.

– Вот этого я не ожидал от тебя точно, – Норлан задумчиво потер пальцами висок. – Принимая то решение, я был убежден, что ее смерть ты не простишь мне никогда. Она подчинила тебя полностью и вертела тобой, как хотела. Как же я ненавижу эту стерву, ты не представляешь.

– Пока ты нас не запер в пещере, я даже не догадывалась об этом, ты великолепно скрывал свои чувства, – Кьяра чуть прикрыла глаза, вспоминая. – После какой-нибудь очередной особенно вызывающей выходки Катарини, я с ужасом ждала, что ты вмешаешься. Но ты столь равнодушно бросал Грегу: «Разберись со своими ученицами», что мне и в голову не приходило, что это тебя хоть немного трогает.

– Мое невмешательство давалось мне нелегко, – усмехнулся обилайт. – Я несколько раз был готов собственноручно придушить эту тварь... Особенно когда видел как она, не моргнув глазом, лгала, что во всем виновата не она, а ты... ты тут же все подтверждала, чтобы ее выгородить. Ее спасало лишь то, что Грег очень умно умел использовать ее в процессе твоего обучения.

– Я потом поняла это. Грег всегда был великолепным стратегом и хитрым интриганом. Он до сих пор просчитывает отцу великолепные многоходовые комбинации, позволяющие при малых затратах получить колоссальную выгоду и обыграть всех противников. И тогда он действительно сумел использовать ситуацию до предела, позволяя Катарине все, и требуя от нее при этом то, что хотел бы добиться от меня.

Норлан вновь сел рядом с ней на край кровати и тихо спросил:

– Вот скажи, чем с первого взгляда Катарина так покорила твое сердце, что ради нее ты была готова на все?

– Покорила лишь одним: она вела себя так, как я бы хотела себя вести, но никогда не могла себе позволить, – Кьяра опустила голову и задумчиво перебирала пальцами покрывало. – Я устала оттого, что я все время должна вести себя так, как этого все ожидают: отец, учителя и все окружение, мне хотелось хоть как-то вырваться из этого. Хотя бы увидеть кого-то, кто от этого свободен... Я очень боялась тебя и отца... и ненавидела себя за это. Когда я впервые увидела Катарину, она открыто пререкалась со Смарттом, а потом начала хамить Грегу. Я же не знала, что она была любовницей Смартта, а с Грегом так повела себя, видимо не осознавая, к чему это может привести. Тогда он чуть не убил ее... и убил бы, если бы я не вмешалась. Мне же в тот момент показалось, что я нашла то, что так долго искала: того, кто вас всех не боится.

Ее губы иронично дрогнули, и после небольшой паузы она продолжила: – По крайней мере, она очень успешно делала вид, что не боится. Поэтому я и вступилась за нее, а потом приложила все силы, чтобы ее защитить. Она легко относилась к жизни... брала от нее, что могла, и все. Я ей восхищалась. Поэтому, когда Грег забрал ее к себе в ученицы, и она стала общаться со мной и ласково о чем-то просить, в то время как все остальные либо требовали, либо не смели даже приблизиться, я сделала все, чтобы только не потерять ее. Мне так не хватало тогда простого человеческого общения и ласки, Норлан...

– Сокровище мое, только не передергивай, я все прекрасно помню... – он накрыл рукой ее нервно теребящие покрывало пальцы. – В то время ты сама никого не слушала, не боялась и ничего не выполняла. То, что ты запала на Катарину было для Грега как подарок судьбы, он разве только не молился на нее. После того, как Владетель казнил Ольта, ты отказалась выполнять вообще что-либо. Устав обители ты, может быть, и соблюдала, но вот все требования Грега были абсолютно безрезультатны.

Кьяра высвободила руку и гордо вскинула голову:

– Да, не выполняла! Но ведь я предупредила отца, что больше ничего не буду делать, если он не прекратит казнь.

– Предупредила? Ту истерику ты называешь предупреждением? – Норлан удивленно воззрился на нее. – Может, если бы ты говорила спокойно, он бы еще и прислушался к тебе... Но дать тебе почувствовать, что истерикой, ты можешь чего-то добиться, было нельзя. Ты тогда орала так, что у меня уши закладывало... По-моему, ты кричала и рыдала, громче чем Ольт, а уж про то, как ты изодрала и искусала мне все руки, пытаюсь вырваться, я уж вообще молчу. И она еще говорит, что боялась меня.

– Боялась Норлан, очень боялась, – она невесело усмехнулась и отвела взгляд. Ее пальцы вновь заскользили по покрывалу. – Только заставляла себя не бояться и всеми силами пыталась вам противостоять. Я, конечно, знала, что именно меня вы не убьете. Но вы умели делать больно и не физически. Кстати, именно это бесило меня больше всего. Когда ты держал меня тогда, я очень хотела, чтобы ты применил силу, но ты не сделал этого... И я поняла, что ты сильнее, морально сильнее, испугалась и обозлилась. По большому счету я и за Катарину вступилась вначале именно, чтобы еще раз попытаться выстоять в борьбе со всеми вами. Если бы не Грег с его умом и интриганством, это была бы еще одна истерика и возможно полный отказ от выполнения даже элементарных условностей. Он наверняка почувствовал это, поэтому тут же пошел на уступки, поставив единственным условием, что я начинаю его слушаться и учиться. Все это время, что мы были с Катариной вместе, я не боялась. Защищая ее, я каждый раз доказывала себе, что могу вам противостоять. А вот тогда, когда она умерла, я поняла, что сил у меня, чтобы бороться с вами, нет. И особенно с тобой. И страх вернулся... и избавиться от него я сумела нескоро.

– Но ведь сумела?

– Сумела... но не сразу. Совсем я перестала тебя бояться, когда ты дал мне почувствовать, что любишь Каю. Я впервые увидела в тебе человеческие чувства. Поэтому я не стала тебя этим шантажировать, так как не хотела, чтобы ты их потерял. И еще я очень пожалела тогда, что мы затеяли с Каем эту игру... Я ведь не догадывалась, что ты знаешь о ней.

– Ты удивительное создание, Къяра... Я всегда знал это, но чем больше ты о себе рассказываешь, тем я больше в этом убеждаюсь, – покачал головой Норлан.

– Слушай, я все хотела спросить: вот почему ты обрек на смерть Катарину, я понимаю... а вот зачем вы с отцом тогда так казнили Ольта, понять до сих пор не могу.

– Он действительно был очень жесток с тобой... Владетель хотел показать тебе, что ты могущественнее любого учителя, и ты вправе решать его судьбу. Однако сделать он это решил так, чтобы ты, зная о своих правах, впредь не захотела пользоваться ими. Он достаточно хорошо изучил твой характер, и добился того, что хотел. Это не прошло бы ни с одним магом, но великолепно сработало с тобой... Ты была очень своеобразным ребенком, Къяра.

– Своеобразным? Чувства сострадания и жалости ты называешь своеобразными? Хотя тебе они действительно не присущи. По-моему, именно тогда я была абсолютно нормальна. Это теперь я потеряла все эти чувства... отец практически добился этого.

– Неужели?

– Да. Я стала жестокой и беспощадной. Я научилась не замечать чужую боль, вернее иногда я еще вижу ее, но никак не реагирую на нее, но именно это ненормально. Я стала безжалостным тираном.

– Сокровище мое, ты лжешь. К сожалению, ты не потеряла ничего. Хотя бы потому, что говоришь об этом. Ты научилась скрывать свои чувства и скрывать хорошо, но для Владетельницы это плохо. Ты должна по-другому воспринимать окружающую действительность, а не скрывать и изображать. Я столько добивался этого, но безрезультатно – ты до сих пор играешь.

– Я играю? Норлан, игры с теми же киритами не проходят. Я научилась им соответствовать, и они боятся и преклоняются не перед сыгранным мною образом, а передо мной.

– Кириты жестоки сами. И ты чувствуешь их ожидания и стараешься их не разочаровать, а с теми, кто не жесток, ты играешь, в душе жалея и сокрушаясь. А этого быть не должно. Не должно быть сожалений. Цель, а в твоем случае это благополучие Империи, оправдывает любые способы ее достижения. Обеспечить благополучие Империи, ее сохранность, процветание, а по возможности и расширение – твой долг.

– Про мой долг можешь не говорить. Я с детства только о нем и слышу и только то и делаю, что его исполняю. Если бы ты только знал, как я от него устала... иногда мне кажется, что сил его выносить у меня больше нет.

– Знаю.

– Ничего ты не знаешь, – недоверчиво хмыкнув, скривила она губы, – это знать может лишь тот, кто его исполнял.

– Знаю, Къяра. И не понаслышке. Причем я не только исполнял его, но тоже устал его выносить. И устал так, что решил избавиться от него и от всего отказался. И теперь, на основе собственного опыта, могу тебя предостеречь: ни к чему хорошему подобные действия не приводят. Ты выбрала свою судьбу, согласившись принять титул. Теперь у тебя нет обратного пути. На тебе судьба Империи.

– Ты был Владетелем? – она недоуменно воззрилась на сидящего с ней рядом Норлана.

– Да. Большой Империи Агилерон. Ты, наверное, о ней даже и не слышала... – он усмехнулся, и с легкой ироничной улыбкой продолжил: – Я достиг всего, чего только можно было желать и понял, что вся моя жизнь стала посвящена удержанию того, чего я достиг и получил. Как только я ослаблял жесткий контроль, мои ближайшие поданные затевали интриги и устраивали заговоры, при этом каждый, прикрываясь словами о благе народа и обвиняя меня в деспотизме, пытался урвать что-то для себя... Я устал и решил от всего отказаться. Забрав жену

с сыном, я оставил престол на избранный народом совет, и уехал в горы. Меньше чем через год Империя рухнула и потонула в междоусобных войнах и кровопролитных битвах за власть. Совет не смог поделить власть и вверг в пучину беспощадных сражений всю Империю. Целые народы безжалостно истребляли друг друга из-за борьбы между собой горстки властолюбцев. И остановить этот кошмар я был уже не в силах. Твой отец знает о такой опасности, поэтому столь жестокими методами поддерживает свой и твой авторитет в Империи.

– И что ты предпринял?

– Ничего, – пожал он плечами. – Сделанного не вернуть. Живя в горах с женой и сыном, я постарался забыть об этом.

– И тебе удалось забыть? – Кьяра не сводила с него зачарованного взгляда.

– Нет. Забыть я не смог... Горящие руины Империи заставляли меня постоянно ощущать чувство вины. И я оставил семью и отправился на поиски чего-то, что могло хоть как-то заглушить испытываемую мной душевную боль.

– Ты бросил в горах жену и ребенка? Одних? Без защиты, на произвол судьбы? – в ее глазах блеснул укор.

– Почему бросил одних? Я оставил их под присмотром горных троллей. Они ни в чем не нуждались. Любое их желание выполнялось моментально.

– И что же ты искал?

– Смысл, путь... И попутно старался хоть частично исправить то, что стало результатом моего решения. Под разными обличьями я пытался помочь страждущим, обуздать творящих произвол и опьяненных властью. Иногда мне это удавалось лучше, иногда хуже... На меня начали охоту все. И мне пришлось стать мудрее, хитрее и предусмотрительнее. Больше года я пытался восстановить отдельные осколки Империи, а потом понял бессмысленность затеи... и решил вернуться в горы, но на пути я повстречал умирающую гарпию. Ты же знаешь, перед смертью они могут вещать. Я задал вопрос и получил ответ.

– Что ты спросил?

– Я спросил, что излечит мою душу и поможет мне исправить то, что я сотворил с Агилероном.

– И каков был ответ?

– «Агилерон пал и больше никогда не возродится. На востоке взойдет звезда новой Империи. Хочешь утешиться, пожертвуй всем ради ее будущей Владетельницы. Если сумеешь, возрадуешься и будешь несказанно счастлив» – прохрипела мерзкая птица и сдохла.

– Надо же, – Кьяра улыбнулась и осторожно взяла учителя за руку. – И ты поверил?

– Нет, – покачал головой он. – Я считал, что мне нечем жертвовать... Я вернулся к семье. Но все тяготило меня... Я стал читать по звездам и получалось, мое сокровище, что наши с тобой жизни крепко связаны... Хотя ты только год назад родилась. Тебя я мог научить всему, что знал и умел... Ты могла стать тем, кем не смог я. Ты могла стать сильнее меня. И я решил обмануть мерзкую птицу, похитить тебя, выучить, а потом заставить воссоздать то, что я разрушил – идеальную Империю.

– И что же помешало тебе? – нежно поглаживая его руку, спросила она.

– Твой отец.

– Как? – она недоверчиво свела брови. – Он ведь был слабее тебя. Раз ты владел магией четырнадцатого уровня, тебе ничего не стоило забрать меня силой.

– Сокровище мое, все было не так просто для меня. Твой отец чувствовал, что тебе угрожает опасность, поэтому он подготовился... Весь его замок был начинен артефактами как неприступная крепость. Тебя охраняли, как величайшее сокровище мира. Я ждал удобного момента и дождался... Но попал в западню, придуманную твоим отцом. Я не мог в нее не попасть. Уж больно хорошо он все продумал. Он сделал вид, что ночью тайно хочет тебя пере-

вести в другое, потаенное место, и дал мне возможность настичь его лишь у расщелины с древним заклатьем. Знаешь, это у развалин старинной лоренской крепости?

– Знаю, – кивнула она.

– Там у меня на глазах он бросил тебя вниз...

– Ты лжешь! – Кьяра, отбросив его руку, приподнялась с подушек. В глазах светились неверие и угроза.

– Нет, мое сокровище... – Норлан печально покачал головой. – Все было именно так. Но это не значит, что твой отец не любит тебя. Он просто знал, что точно сделаю я, поэтому ничем не рисковал.

Кьяра отвернулась, немного помолчала, пытаясь осознать услышанное, потом хрипло спросила: – И что ты сделал?

– А ты не догадалась? – Норлан усмехнулся.

Она вновь повернула голову и, кусая губы, тихо проговорила: – Удержал низкоуровневой магией?

– Именно. Но как ты понимаешь, удерживая тебя, я не мог сопротивляться твоему отцу. А он установил блок, не давая мне ни забрать тебя, ни отойти... И еще у него с собой был аккумулятор Олориса, который он тоже швырнул в расщелину. Вытащить его оттуда, как ты понимаешь, низкоуровневой магией просто невозможно, он поглощает ее... Упав туда, он вытягивал из меня все силы... Я понял, что проиграл, и он убьет меня. И был готов умереть. Но твой отец не дал. Когда обессиленный я рухнул к его ногам, он подхватил тебя и швырнул мне те кабалиты, что ты видела на мне. Я сказал, что он может убить меня, но не заставит их надеть. Однако Маграт пообещал, что позволит учить тебя, если я подчинюсь, а потом, когда ты вырастешь, отдаст ключи тебе. И я покорился. Конечно, в последнее я не поверил, но твой отец поступил со мной на редкость честно. И как я теперь вижу, полностью сдержал обещание.

Кьяра тяжело вздохнула, вновь откинулась на подушки и, помолчав немного, поинтересовалась:

– А что стало с твоей женой? Почему ты забрал у нее Кая?

– Она умерла, тролли разыскали меня и передали мне ребенка. Ему тогда было шесть... Я сделал вид, что нашел мальчика со способностями и взял в ученики. К тому времени я начал организовывать обитель, поэтому это выглядело естественно и не вызвало никаких вопросов у Владетеля, – бесстрастно пояснил тот, поднимаясь с края кровати. Потом отошел к окну.

– Зачем ты отдал его мне?

– А ты бы предпочла, чтобы я отдал его Владетелю? – не оборачиваясь, иронично осведомился он и добавил: – Ведь ты уже знаешь, что ни один маг обители не свободен. Все кабалены либо Владетелем, либо мной.

– Ты хочешь сказать, что любой ученик обители получал диадему мага лишь после того, как надевал кабалит? – удивленно спросила она.

– Именно, – Норлан повернулся к ней. – Кстати, тебе в скором времени придется решить, что ты будешь делать со своими учениками и не только со своими... Возьмешь себе, отдашь отцу, оставишь здесь мне или продашь кому-то. Маги товар недешевый и ценятся.

– Отец часто продавал магов?

– Нет, нечасто, – покачал головой обилайт. – И только тех, для которых восьмой уровень предел возможностей. Ты ведь знаешь, что до девятого уровня кабалит можно сделать и не под мага. Поэтому этот товар пользуется особым спросом у правителей, магией не владеющих, хотя и не только у них. Я могу уже сейчас назвать тебе с десяток правителей, готовых заплатить любые деньги, даже пожертвовать территориями, только бы получить такого мага. Так что ты поработила фавна весьма кстати...

– Норлан, я понимаю, как ученики соглашались надеть твой кабалит или Владетеля. Но как ученики соглашались надеть кабалит нового хозяина, магией не владеющего – я не понимаю...

– Къяра, чего тут непонятного? – недоуменно пожал он в ответ плечами. – У них не было выбора. Перед продажей Владетель всегда наказывал ученика так, что потом одно его имя вызывало истерику и ввергало в панический ужас. Я надеюсь, что ты понимаешь, зачем он это делал, и в подобных случаях будешь поступать так же.

– А чем он обосновывал наказание?

– Обычно принуждением слушаться нового хозяина и надеть его кабалит. Вариации на тему: не будешь слушаться его, будешь иметь дело со мной... При этом беспрекословное подчинение и готовность сразу надеть все что угодно никакой роли естественно не играли. Будущий маг в любом случае наказывался практически до потери человеческого облика. После чего я около месяца его выхаживал, а потом он с радостью надевал кабалит любого правителя и получал диадему мага.

– Понятно. Одной стрелой сразу двух, а то и трех уток. И нового хозяина маг слушаться будет, и рад будет, что к нему попал, а не у Владетеля Лорена остался, против которого к тому же никогда не посмеет выступить...

– Умница, схватываешь на лету, – Норлан удовлетворенно кивнул. – Кстати, чем ты себя жестче сейчас будешь вести в обители, тем легче тебе будет ею управлять. Маги, как и воины, уважают лишь силу. Магов просить нельзя, можно лишь требовать.

– Это не про меня...

– Къяра, кому ты это говоришь? Я прекрасно знаю, что ты не такая... Я годы потратил, чтобы это изменить. Таких магов не бывает, они тут же погибают. Такие маги вымерли еще тысячелетия назад. Тебя спасло лишь то, что у тебя грандиозные способности и твой отец – Владетель. Только сочетание этих двух факторов, да еще то, что у тебя хватает ума, не показывать свои чувства, дало тебе возможность выжить и стать неплохой Владетельницей. Но если ты не научишься быть жесткой и беспощадной, погубишь не только себя, но и все вокруг.

– Научилась, Норлан. Я научилась такой быть. У меня лишь изредка щемит в груди, когда приходится быть особенно жестокой, но я умею это преодолевать. Только ты лжешь, что все такие маги вымерли... Ты сам такой... был такой... твой опыт и мой отец изменили тебя. И во мне тебе именно это нравится, хотя ты и понимаешь, что это мешает мне как Владетельнице. Поэтому я прошу тебя, именно прошу: не заставляй меня быть с тобой жесткой, мне и так тяжело... Я буду такой на людях, обещаю. Но где-то у меня должна быть отдушина, правда? Так вот, я хочу, чтобы она была с тобой. Ты можешь мне это позволить?

– Сокровище мое, от меня ты получишь все что хочешь, но только наедине и если это не будет тебе мешать как Владетельнице, – он вновь подошел к кровати и, ласково взяв за руку, тихо произнес: – Только ты ошибаешься, мне не нравится в тебе ни твое великодушие, ни твое милосердие и сострадание, ни уж тем более твоя любовь ко всем тварям. Я их понимаю, потому что когда-то действительно был сам подвержен некоторым из этих чувств... Однако принять не могу, потому что знаю, к чему они приводят, и хочу уберечь тебя от этого. Я люблю тебя, но в первую очередь как идеальную Владетельницу, а не как женщину, соратника или друга. Я стремился дать тебе то, что не хватило когда-то мне и уберечь тебя от ошибок, совершенных когда-то мной... Я не позволю тебе разрушить твою Империю, как я разрушил свою.

– Я постараюсь не разрушать ничего... И постараюсь учиться не на собственных ошибках, раз на карту ставится судьба Империи.

– Вот и умница. В этом случае, я буду вести себя с тобой, как пожелаешь. Кстати, позволишь мне оставить тебя на некоторое время? – он вопросительно посмотрел на нее и в ответ на немой вопрос, который прочел в ее глазах, пояснил: – Я не знал, что ты придешь сегодня, и не отменил еженедельное собрание. Маги обители ждут меня уже больше двух часов.

– Ты не хочешь представить им меня в новом качестве? – Кьяра удивленно приподняла брови.

– Не сегодня. Тебе надо отдохнуть.

– Нет, Норлан. Именно сегодня, – в ее голосе послышались требовательные нотки. – Ты задержался, этому должно быть объяснение. Я, конечно, понимаю, что твои маги все выдрессированы так, что и объяснений никаких не требуется. Они и несколько суток тебя ждать будут. И все же будет лучше, если мы сейчас придем к ним вместе, и ты объяснишь им, что обитель перешла под мой контроль.

– Сокровище мое, понимаешь, при первом же твоём появлении в новом качестве было бы желательно, чтобы ты хотя бы сыграла, что недовольна существующими порядками и требуешь ужесточить правила. Вряд ли ты сейчас это сможешь... тебе надо отдохнуть.

– Не смогу? Норлан, ты давно со мной не общался... – рассмеялась Кьяра. – Во-первых, ничего сложного в этом нет, а во-вторых, я научилась работать даже при отрицательном балансе энергии... а до этого состояния мне еще далеко.

– Это все замечательно. Но ты нерационально расходуете собственные силы. Вот во время сражения я согласен, это необходимо, но изнурять свой организм дополнительной и никому ненужной нагрузкой – бессмысленно. Ты когда научишься разумно расходовать то, что имеешь? Это же не мышцы, которые накачиваются постоянной нагрузкой. Хотя даже там мера нужна. Энергетический потенциал, это намного тоньше. Любой пробой, особенно такого уровня, как был у тебя сегодня, должен быть восстановлен, прежде чем ты начнешь использовать энергетику сфер вновь. Я столько учил тебя... а ты пренебрегаешь элементарными правилами. Считаешь, что раз за двери обители вышла, то правила не действуют? Тебя спасает лишь твой громадный природный потенциал, но если ты и дальше будешь столь неразумно его использовать, ты начнешь постепенно не увеличивать свои возможности, а уменьшать их.

– Какой же ты нудный, – Кьяра поморщилась.

– Да, нудный, и не скрываю этого, можешь еще добавить: расчетливый и осмотрительный. Кстати, именно это позволило мне до сих пор остаться в живых.

– Хорошо, я согласна, что эти качества важны, но не кажется ли тебе, что ты уже излишне перестраховываешься? Я чувствую себя абсолютно нормально. Ты дуешь на холодную воду, учитель, – усмешка тронула губы Кьяры.

– Сокровище мое, с энергетикой четырнадцатого уровня не шутят. Твоя самоуверенность может тебя погубить. Я рад, что сейчас ты чувствуешь себя хорошо, но ты выдержала такой удар, после которого многие маги никогда не оправляются и теряют все свои способности. Не торопись, тебе надо хотя бы пару дней не использовать магию.

– Хорошо, я постараюсь ближайшие дни магию не использовать. Но ведь если ты подыграешь мне, то и нужды ее использовать никакой не будет. Думаю, никто в обители и не сомневается в моих способностях.

– Ты забыла про Кая, сокровище мое. Ты так запутала свои отношения с ним, что теперь я и не знаю, как ты будешь из них выпутываться... Он так привык, что ты, появляясь в обители, уделяешь основное внимание лишь ему, что вряд ли без жесткого наказания с твоей стороны позволит тебе изменить ситуацию.

– Да. Ты прав. Мне тяжело с ним, и в то же время я не могу сделать, чтобы ему было больно и плохо, – она тяжело вздохнула.

– Хочешь, чтобы это сделал я? Я ведь уже предложил тебе... А могу поступить еще жестче.

– Не смей! Не смей даже думать об этом! Я не позволю! – привстав с подушек, Кьяра рукой вцепилась в край покрывала.

– Да неужели? Даже думать? – Норлан усмехнулся. – И как ты собираешься контролировать мои мысли и поступки? Быть постоянно рядом? Это было бы забавно... Попробуй.

– Хватит издеваться! Ты понял, о чем я.

– Нет, сокровище мое. Не понял ничего. Ты не хочешь дать решить проблему мне и не хочешь решать ее сама. Надеешься, что само собой все образуется? Так вот, могу тебя огорчить: само собой не образуется ничего. И тебе не удастся и рыбку поймать и ног не замочить.

– Я думала, ты скажешь жестче, – Кьяра не смогла сдержать улыбку.

– Была бы ты еще моей ученицей, сказал бы... А сейчас могу себе позволить только так, – усмехнулся в ответ он.

– Я догадалась. Но, Норлан, он твой сын, я не хочу ломать его. Пожалуйста, ты же умный, придумай что-нибудь. Я знаю, ты можешь, – Кьяра протянула руку и, схватив стоявшего рядом Норлана, притянула к себе и с мольбой заглянула в глаза. – Ведь должно быть какое-то решение, чтобы он не страдал. Найди его. Я тебя очень прошу.

– Кьяра, это решение очевидно, – Норлан ласково ее обнял. – Поставить его перед фактом и не вестись на его претензии к тебе.

– Неужели тебе не жаль его?

– Кьяра, своей жалостью ты загнала ситуацию в тупик. Неужели ты не видишь этого? Жалость – вредное чувство, особенно для Владетельницы.

– У меня может быть хоть какая-то слабость? Или в конце концов прихоть? Так вот это – Кай! Я хочу, чтобы ты нашел мне безболезненный способ разорвать наши с ним отношения. Вот Грег обязательно нашел бы его... Я только обратиться к нему не могу, он тут же все доложит отцу.

– И правильно делает, – Норлан осторожно отстранился от нее и вновь отошел к окну. – Ты создаешь проблему на ровном месте. Ничего с ним не случится, переживет он твой уход. Помается немного, а потом привыкнет. А если жестко накажешь его перед этим, то вообще переживет еще быстрее.

– Ты злобный изверг! – обиженно выдохнула она. – Неужели хотя бы для собственного сына ты не можешь сделать исключение и хоть раз отойти от своих принципов?

– Каких принципов, Кьяра? Что ты хочешь от меня? – Норлан резко обернулся. – Чтобы я ласково и нежно уговорил Кая отпустить тебя, когда он чувствует, что может этого не делать? Когда он знает, что стоит ему только закатить тебе истерику и начать рвать на себе твой кабриолет, как ты тут же пойдешь ему на уступки, постараться успокоить, утешить и позволишь ему опять быть подле тебя? Так вот, не сделает он это, пока его кто-то не заставит. Ты дала ему в руки способ управления тобой и добровольно он его не отдаст. Этот способ можно только отнять или перестать на него реагировать.

– Возможно, я перестану реагировать и уйду, но только если у меня появится повод для моего ухода... И очень серьезный повод, – медленно и очень мрачно проговорила Кьяра. – Пока твой сын не даст мне его, все будет так, как раньше. Можешь считать меня слабохарактерной идиоткой, но с Каем все будет именно так. И если ты только посмеешь вмешаться, то я уйду не только от него...

– Что ж... я держать тебя в любом случае не стану.

– Знаю, – она мрачно усмехнулась, – и еще знаю, что мой уход ты переживешь, так же как его переживу и я. Вы с отцом научили меня переступать через любовь. Поэтому не доводи меня до этого!

А потом она стремительно встала с кровати, подошла к Норлану и, обвив его шею руками, прижалась к нему.

– Я прошу тебя, – нежно выдохнула в самое ухо.

– Сокровище мое, ты рвешь мне сердце, – Норлан крепко сжал ее в объятьях. – Хорошо, раз ты так хочешь. Я не буду вмешиваться. Но поверь мне, он почувствует, что ты изменилась, и будет мучить тебя.

– Вот когда замучает окончательно, тогда и уйду, но не раньше.

– Хорошо, бестолковая девчонка, хочешь терзать и его, и себя – терзай дальше, – Норлан разжал руки и отстранился.

– Пусть бестолковая... пусть... только поцелуй меня, и можешь обзывать дальше, – Кьяра заглянула ему в глаза и лукаво улыбнулась.

– Ужасно бестолковая, – покачал головой Норлан, а потом притянул ее к себе вновь, и его губы слились с ее губами.

Через некоторое время, разжав руки, он отстранился и тихо произнес: – Пошли, если не будешь разбираться с Каем и лишь сыграешь на собрании, можешь пойти со мной.

– Я знала, что ты согласишься, – вновь улыбнулась Кьяра, – только учти, после собрания я уйду с Каем.

– С Каем, так с Каем... Неужели ты думаешь, что я способен тебя ревновать? Особенно после того, как сам отдал его тебе.

– Я рада, что ты не способен ревновать... А вот я способна. И я убью любую или любого, если мне только в голову мысль закрадется, что ты к ней или к нему неравнодушен.

– Даже так, мое сокровище? Ты серьезно?

– Серьезней некуда. Поэтому имей это в виду.

– Кьяра, ты удивляешь меня все больше и больше, – Норлан изумленно посмотрел на нее.

– Ладно, пойдем, удивляться будешь по дороге, – рассмеялась она.

Норлан распахнул дверь зала для собраний, и все девять магов обители тут же поднялись со своих мест и склонили головы.

– Владетельница Лорена и нашей обители! – громко произнес он, пропуская вперед Кьяру, и тут же первый опустился на колени и склонился к полу.

Все девять магов, включая Кая, поспешно последовали его примеру.

Кьяра выдержала длительную паузу, а потом тихо проронила:

– Можете встать.

Дождавшись, чтобы все поднялись, она тяжелым взглядом обвела собравшихся. Все стояли, не смея шелохнуться.

– С сегодняшнего дня обитель переходит под мой контроль, – очень мрачным и жестким тоном продолжила она, – отец даровал мне ее, как и совладение Лореном... Сегодня я задержала вашего обилайта, чтобы решить кое-какие проблемы, касающиеся непосредственного подчинения мне всей обители, – кивнула на обилайта, стоявшего сбоку от нее, – у него были вопросы и нам пришлось их обсудить... Теперь вопросов у него больше нет. И я хотела бы узнать, может быть, есть вопросы у кого-то из вас?

Кьяра еще раз обвела стоявших перед ней магов мрачным взглядом. Все потупили глаза, и никто не посмел ничего сказать.

– Замечательно, значит, вопросов нет. Тогда я сама проясню ситуацию. Я знаю порядки обители и знаю, что обилайт чрезмерно вас всех распустил, пользуясь тем, что отец здесь бывал редко. Я такого не потерплю. В ближайшее время я изменю устав, и за малейшее отступление от него буду строго взыскивать, как со всех вас, так и с обилайта. Поэтому ему тоже придется строже контролировать вас всех. Сейчас говорить об изменениях я не буду, о них вам расскажет обилайт через несколько дней. Сейчас я хотела бы послушать ваши обычные доклады и потом, возможно, у нас появится повод еще что-нибудь обсудить.

Кьяра отошла к креслу обилайта, стоявшему неподалеку и села. Сесть собравшимся она не предложила, и все они, включая обилайта, остались стоять. После чего раздраженно произнесла:

– Я жду, Норлан, пусть докладывают.

Тут же, повинувшись кивку Норлана, вперед вышел маг Смарт и заговорил о том, что им было сделано за неделю.

Дослушав его до конца, Къяра скривилась:

– Норлан, это один из твоих лучших магов, а ты позволяешь ему и его ученикам так бездарно проводить время.

– Что Вы имеете в виду, Владетельница? – повернувшись к ней, склонил голову Норлан.

– Что я имею в виду? – грозно переспросила Къяра, вставая с кресла. – У тебя еще язык поворачивается спрашивать, что я имею в виду? – она повернулась к Норлану и предостерегающе вытянула вперед руку: – Еще один такой вопрос и ты горько пожалеешь о том, что перед тем как задать его не откусил себе язык. Понятно?

Норлан тут же опустил на колени и произнес срывающимся голосом:

– Да, Владетельница. Простите. Этого больше не повторится.

Руки его заметно дрожали. Все маги втянули головы в плечи. Такого они не видели никогда. Всем сразу стало понятно, что, задержав обилайта, Владетельница сумела заставить его не только подчиниться, но и бояться ее.

– Замечательно, будем надеяться, что действительно не повторится... встань, – садясь в кресло, уже спокойным тоном произнесла Къяра, – пусть следующий доложит.

Норлан поднялся и кивнул следующему магу, который тут же занял место Смарта и звенящим от волнения голосом стал докладывать. Его доклад Къяра тоже сопровождала язвительным замечанием, как и все последующие доклады, за исключением доклада Кая. Про него она не сказала вообще ничего. Норлан на все ее замечания теперь лишь кивал и обещал постараться все исправить.

– Норлан, то, что сейчас я позволила тебе только кивать, соглашаясь с моими замечаниями, не означает, что я позволю тебе, этим ограничиться и дальше, – жестко резюмировала Къяра последний доклад. – Все обстоит еще хуже, чем я думала. И если ты в ближайшее время не примешь меры, чтобы исправить сложившуюся ситуацию, мне останется тебе лишь посочувствовать. Понятно?

Къяра поднялась, и все маги, повинувшись жесту Норлана, опустили на колени. Он подошел к ней и тоже опустил на колени:

– Владетельница, я понял и постараюсь все исправить.

– Очень на это надеюсь. Можешь встать, – Къяра протянула ему руку для поцелуя, и Норлан, коснувшись ее губами, медленно поднялся.

– Кай, – Къяра повернулась к коленопреклоненным магам, – проводи меня, я хочу проверить твоих учеников.

Кай тут же поднялся и вышел вместе с ней из зала.

Дождавшись, когда Къяра вместе с Каем выйдут, Норлан обернулся к оставшимся восьми магам:

– Можете встать, – мрачно проронил он и после небольшой паузы продолжил: – Вопросы ко мне у кого-нибудь есть или все понятно и так?

– Обилайт, я не понял, чем она была недовольна, – Смарт склонился.

– Я тоже, Смарт, но это не имеет никакого значения. Раз пояснять она не захотела, значит тебе, да и всем остальным придется догадываться, что ей не понравилось. И в срочном порядке это исправлять. И оттого, насколько успешными будут ваши догадки, будет зависеть ваше самочувствие. Владетельница шутить не любит и характер у нее покруче ее отца будет, так что готовьтесь... Я первый с вас всех шкуру спущу, если ей опять что-то не понравится.

– Да ей не понравилось ничего. Она лишь доклад Кая приняла благосклонно, – тихо заметил Тревис, отводя взгляд. Это был атлетического телосложения смуглый маг с темными, коротко стриженными кудрявыми волосами.

– Тревис, по-моему, ни для кого не секрет, что Кай ее маг, и я не контролирую его в полной мере. Неужели ты думаешь, она будет высказывать ему какие-либо претензии при всех? –

усмехнулся Норлан. – Если они у нее были, она сделает это наедине. Она для этого и позвала его... Ну еще какие-нибудь вопросы у кого-нибудь остались?

– Обилайт... – вперед шагнул Лукас, – так что же нам все-таки делать?

– Постараться навести порядок, идеальный порядок каждому в своем подразделении, а потом готовиться к наказанию... Учтите, новую Владетельницу необходимо слушаться беспрекословно. Чтобы она не требовала... Любое ее требование, даже если вам оно кажется абсолютно абсурдным, должно быть выполнено моментально... и любое ее наказание, даже совершенно незаслуженное на ваш скудоумный взгляд, принято с благодарностью. Скрывать не буду, Владетельница строга и жестока, и если она будет недовольна мной из-за вас, мало не покажется никому... Все понятно или еще вопросы остались?

– Обилайт, – обратилась к Норлану Хилтор, – а Владетельница будет проверять и наказывать каждого по отдельности или перед всеми?

– Неужели непонятно объяснил? Как захочет, так и будет... Так что будь готова, моя красотка, скинуть облачение там, где прикажут.

– Даже перед обучаемыми? – Хилтор в упор посмотрела на Норлана. – И как же потом их учить?

– Этот вопрос интересует только Хилтор или еще кого-нибудь? – спросил обилайт.

Маги переглянулись.

– Интересует... – послышались робкие голоса.

– Замечательно. Тогда поясню всем. Если кто-либо из вас тут же, быстро и четко не выполнит приказ, учить хоть кого-нибудь ему больше не придется... И вообще я не вижу проблемы: вы на собственном примере покажете им насколько покорным необходимо быть и как повиноваться Владетельнице, – Норлан обвел всех недобрым взглядом и усмехнулся. – А Владетельница права, вы действительно совсем распустились, если такие мысли посещают ваши головы... Но я это быстро исправлю... и начну с тебя моя красотка, иди ко мне.

Хилтор молча подошла, преклонила колени и поцеловала руку обилайта. Она была действительно красива, эта тридцатилетняя женщина-маг. Ее густые каштановые волосы, подбритые в высокую прическу были прекрасным обрамлением высокого лба, больших карих глаз, густых темных бровей и чуть-чуть пухлых и чувствительных губ. Норлан с усмешкой посмотрел на нее, а потом обвел мрачным взглядом остальных магов.

– Значит так, пока все свободны, с вами я поговорю позже... А с тобой, – обилайт вновь перевел взгляд на Хилтор, стоявшей рядом с ним на коленях, – мы поговорим прямо сейчас...

Все маги вышли, за исключением Хилтор, которая потупив голову, осталась стоять, как стояла.

– Марш в мои апартаменты, – жестко приказал ей Норлан.

Хилтор быстро поднялась и, выйдя из зала, пошла по коридору. Норлан пошел следом.

Перед дверями своих апартаментов, он взмахнул рукой, и двери распахнулись. Хилтор зашла и замерла посередине комнаты.

Норлан вошел следом, закрыл двери, подошел к ней и сзади коснулся ее плеча: – Догадалась, что тебе предстоит или рассказать? – нежно и даже участливо спросил он.

Хилтор вздрогнула, плечи ее задрожали, ей очень хотелось упасть перед обилайтом на колени, начать плакать и молить его, но она знала, что это только ужесточит наказание, и сдержалась.

– Раз Вы так спрашиваете, мой господин, то догадаться нетрудно, – прошептала она.

– Умница... Только я хочу, чтобы это сделала Владетельница. Поэтому вопрос: мне надо предварять ее наказание своим или нет?

Хилтор резко обернулась и взглянула в глаза обилайту.

– За что Вы так со мной? – прошептала она.

– Не «за что», а «зачем», моя красавица. Все мои действия исходят только из этого вопроса. А об ответе на него, я надеюсь, ты можешь догадаться самостоятельно. Не так ли?

Глаза Хилтор заволокли слезы, она отвела взгляд, но сдержалась и не заплакала.

– Вы хотите отдать меня ей... – прошептала она.

– Ну зачем же так сразу... Пока отдавать не хочу. Я лишь хочу быть уверен, что ты будешь ей очень покорна... Кстати, возможно после сегодняшнего или завтрашнего наказания, это уж как Владетельница придет, она не будет наказывать тебя публично, чего ты так боишься...

– Всего лишь возможно? – переспросила Хилтор. Ее губы кривились, а пальцы рук сводила судорога.

– Все зависит от тебя... – спокойно произнес обилайт и вдруг резко изменившимся тоном продолжил: – Я и так позволил тебе многое... очень многое... Я ни разу за все это время не унизил тебя и не воспользовался твоей слабостью... Даже сегодня. Что ты еще ждешь от меня? Чтобы я и Владетельнице запретил это делать?

– Нет, конечно, – Хилтор склонила голову.

– Успокойся, будешь покорна, она сама не воспользуется этим. Ей, как впрочем и мне, нужно лишь, чтобы ты четко и добросовестно выполняла свои функции...

– Да я знаю, что Вам от меня нужно лишь это, – очень тихо произнесла Хилтор, еще ниже склоняя голову.

– А я и не скрывал это никогда, моя красавица, – усмехнулся Норлан, – кроме этого мне действительно от тебя больше ничего не нужно. И я уже неоднократно говорил тебе, что не буду против твоих отношений с любым магом обители, и от меня он не узнает ничего.

– Но я люблю Вас! – Хилтор выпрямилась, взглянула в глаза обилайту и подобралась вся, будто ожидая удара.

– Я знаю, но это твои проблемы, моя красотка, – бесстрастно ответил он.

– Конечно, зная обо мне все, разве Вы снизойдете... – губы Хилтор вновь предательски дрогнули, а в глазах заблестели слезы.

– Ты как со мной разговариваешь, дрянь?! – рявкнул Норлан.

Хилтор повалилась ему в ноги: – Простите, мой господин...

– Совсем забылась? Ну так мне нетрудно и напомнить.

– Да, конечно, я заслужила... – Хилтор, стоя на коленях, выпрямилась, заложила руки за спину и подняла на него глаза.

– С чего это ты решила, что я потерплю такой тон? – уже более спокойно спросил он.

– Вы были очень добры ко мне, все последнее время, мой господин... я действительно забылась, простите.

– Я рад, что ты это понимаешь... Облачение сними.

Хилтор встала, быстро сняла длинное шелковое платье и вновь опустилась перед ним на колени, заведя руки за спину. Норлан взял охватывающую ее шею цепочку, потянул на себя и заглянул в глаза.

Хилтор вскрикнула, а потом застонала и осела вниз, запрокинув голову и почти повиснув на руке Норлана, держащего ее за кабалит, проваливаясь в бездну рвущей все тело боли.

Когда Норлан прервал воздействие и отпустил кабалит Хилтор, она бесчувственно повалилась на пол. Он саркастически оглядел ее.

Хилтор в этот раз даже не пыталась ничего скрыть. С самого начала наказания она приняла тот облик, в котором ей было легче терпеть его. Ноги ее были покрыты короткой рыжей шерстью, а сзади был небольшой хвост с кисточкой на конце. Именно этот хвост скрывать в своем внутреннем облике ей было труднее всего и особенно во время наказаний. Энергетика боли сбивала облик, и Хилтор приходилось постоянно контролировать себя, чтобы предательский кончик ее хвоста не показался между ног. Во все остальное время хлопот он ей не доставлял.

В это время дверь распахнулась и на пороге появилась Къяра. Она хотела что-то сказать, однако взгляд ее упал на лежавшую у ног Норлана Хилтор, и слова так и не сорвались с ее губ.

Она шагнула в комнату, внимательно осмотрела ее, затем перевела взгляд на обилайта и после долгой паузы тихо спросила:

– И что это значит?

Норлан взмахнул рукой, устанавливая над Хилтор сферу нераспространения. Чтобы та, даже придя в себя, не могла слышать их разговор.

– Я не ждал тебя так скоро, мое сокровище... Неужели решилась сбежать от Кая?

– Я спрашиваю: что это значит?

– Я готовил Хилтор к общению с тобой... Но немного не успел закончить, ты застала нас на первом этапе подготовки. Пользуясь моим расположением, она несколько забылась... Ее необходимо напомнить о существующих рамках дозволенного поведения. Надеюсь, ты сможешь мне в этом, раз пришла раньше, – абсолютно бесстрастным тоном ответил он.

– Пользуясь твоим расположением... – повторила за ним Къяра и усмехнулась, – Норлан, ты – безжалостная скотина. Она, несомненно, пресмыкалась пред тобой, раз ты знал ее тайну... она лишь очень не хотела говорить о ней мне.

– Да нет... она была готова принять свой истинный облик перед тобой, эта дочь фавна...

– Тогда за что ты ее так?

– Она любит меня, мое сокровище. Мое длительное хорошее отношение к ней она считала достаточным поводом для выказывания своих чувств, и мне пришлось четко ей дать понять, что свои чувства ей лучше держать при себе...

– Так это ты для меня ее наказал? Чтобы я увидела и не сомневалась, что ты ее не любишь?

– Почему для тебя? Я не знал, что ты можешь прийти раньше завтрашнего утра. Это, чтобы она поняла свое место здесь и полностью приняла твою власть... К тому же разве это наказание, это только начало наказания...

– Изверг... Думаешь, я тебе позволю его продолжить?

– Не только позволишь, но и накажешь сама... И еще жестче, чем я. Хилтор должна тебя бояться до обморока и дрожать при одном твоём появлении. Если ты сейчас не сделаешь это, то после твоего ухода я убью ее.

– Я не могу сейчас использовать магию... сам сказал.

– И не надо... Накажешь физически. Хилтор терпелива, но есть несколько приемов, которые она переносит с трудом... особенно с ее драгоценным хвостом.

– Норлан, хватит! Я не позволю тебе над ней издеваться!

– Да неужели? Сокровище мое, если только ты посмеешь командовать, что и как мне делать в обители, обители не будет совсем!

– Тогда я уйду навсегда!

– Ты думаешь, я буду держать тебя? Особенно тогда, когда ты открыла для меня возможность пользоваться четырнадцатым уровнем, а контролировать меня можешь лишь непосредственно присутствуя рядом? Нет, мое сокровище, твой уход я использую в своих целях... И ты знаешь, что я это сделаю. А вот мне ты не посмеешь сделать ничего!

– Норлан, ты же обещал мне, что не будешь вынуждать меня быть с тобой жестокой. Обещал! – в глазах Къяры полыхнул мрачный огонь.

– А ты обещала мне, что будешь достойной Владетельницей. И обители, между прочим, тоже, а не распутившей соплю девчонкой. Смотреть противно. «Я не позволю тебе над ней издеваться!», – передразнил он ее. – Скажите, пожалуйста, какие высокие чувства к дочери фавна. Да если бы она только могла, она перегрызла здесь глотку всем и не подавилась... Ну может быть, меня бы убивать не стала, используя для удовлетворения своих прихотей, а вот тебя бы точно прикончила, причем медленно и с наслаждением. Это маги... Я уже который

раз говорю тебе: они понимают лишь силу. Вот обдерешь ей хвост, заставишь униженно у тебя в ногах валяться и, скуля от боли, обдирать его дальше, вот тогда она будет покорна... очень покорна. И даже помыслить не посмеет ненавидеть тебя, а будет тебя любить за то, что ты ее ежевечерне хвост не заставляешь себе обдирать, и тебе придется лишь изредка напоминать ей об этом, чтобы не забыла...

– Норлан... – Кьяра судорожно сглотнула, – я всегда знала, что ты еще жестче, чем отец... но я все равно не понимаю... Зачем тебе необоснованная жестокость? Ты ведь сам сказал, что она тебя любит, почему ты не можешь сыграть на этом и, используя это чувство, добиться повиновения?

– Ты уже добилась, с Каем... Правда, замечательно вышло? Он безумно тебя любит... и безумно покорен... от слов «без ума», и ты также «без ума» этим пользуешься.

– До чего ты ядовитый...

– До чего?

– До мозга костей! У тебя есть хоть одна слабость?

– Да, есть одна – ты. Не будь этой слабости, ты бы уже лежала в могиле, а я не перед тобой тут униженно оправдывался и к твоему разуму взывал, а смотрел бы в горах на звезды.

– Я, его слабость... как же... ты, как и отец, видишь во мне лишь идеальную Владетельницу... и не более того. Ладно, хочешь, чтобы я ей хвост ободрала, и ее заставила это делать – сделаю... Снимай с нее сферу и приведи в чувство, – скривилась Кьяра.

– Как прикажете, Владетельница, – склонился обилайт, убирая рукой сферу нераспространения над Хилтор.

Хилтор поспешно одевалась. Одевшись, она подошла к Кьяре и опустилась на колени: – Благодарю Вас, Владетельница, – склонилась она к полу и поцеловала мысок ее туфельки.

– Можешь встать, иди, – хмуро проронила она.

– Владетельница... – не поднимаясь с колен, несмело проговорила Хилтор, – я спросить Вас могу?

– Спрашивай.

– Вы никогда не говорили, что Вам нравится, чтобы еще умели делать те, кого я готовлю для Вас... Я знаю, что нравится Владетелю, но совсем не знаю, что нравится Вам.

– Не знаю, Хилтор, я не задумывалась над этим... – повела плечом Кьяра.

– Я могла бы подготовить, например пару танцовщиц, работающую в связке или научить их чему-то еще...

– Я поняла... Хорошо, Хилтор. Подготовь мне двух девочек, умеющих танцевать и двигаться синхронно. И чтобы они были достаточно похожи... Возможно, это было бы забавно, – сухо проронила она.

– Да, я сделаю. Им можно поменять внешность или они должны быть похожи от природы? – поднимаясь с колен, уточнила Хилтор.

– Можешь менять, что хочешь. Еще вопросы остались?

– Нет, Владетельница. Я все поняла.

– Тогда иди.

– Да, Владетельница, – Хилтор с поклоном вышла.

– Умница... – прокомментировал, стоявший у окна обилайт, – я даже не ожидал.

– Я рада, что тебе понравилось, – все еще раздраженно произнесла Кьяра. – Что еще и кому я должна сегодня ободрать? Или же мне можно, наконец, отдохнуть?

– Можно отдохнуть, мое сокровище... Там, где ты хочешь и так, как пожелаешь.

– И какой же у меня есть выбор? – явно более миролюбивым тоном осведомилась она.

– Выбор у тебя большой. Можешь, вернуться к Каю, можешь, идти в апартаменты отца, а можешь, остаться здесь и поужинать со мной. Правда, уже поздно для ужина, но мы с тобой еще не ели. Хотя может, ты и поела с Каем, не знаю...

– Нет, не ела.

– А зря. Могла бы его заставить накормить тебя, хоть какая-то польза была бы... Чего сбежала-то от него?

– Не сбежала. Дождалась, чтобы он насладился в полной мере моим присутствием, и ушла.

– И как же это он тебя отпустил?

– Я сказала ему, что теперь буду часто бывать в обители и соответственно бывать чаще у него. Если только ты не заподозришь ничего, и не нажалуешься отцу, что я неподобающе веду себя здесь... А так как ты отдал мне апартаменты отца и настаиваешь, чтобы я ночевала там, то мне придется это делать. Принял он это не сразу, но его истерика по поводу: ты теперь Владетельница, тебе должно быть позволено все, была непродолжительной. Уже через час, сломленный тем, что я не амортизирую его попытки удушиться на моем кабалите, он успокоился и стал целовать мне ручки, клятвенно обещая, что он будет покорен, довольствуется моими краткими посещениями, и будет вести себя так, чтобы ты не заподозрил ничего.

– Так ты удовлетворена?

– Я устала. Как же я устала, Норлан. Общение с ним выматывает меня так, как сутки тренировок не выматывали... Только не говори ничего... я все твои комментарии по этому поводу и без тебя знаю.

– Не буду комментировать, я обещал, что не буду вмешиваться. Хочу лишь предупредить, что когда он поймет, что ты много времени проводишь со мной, будет хуже...

– Пусть понимает, Норлан, все равно хуже уже некуда... Он вряд ли сможет придумать еще что-то.

– Сможет. Мой сын, Къяра, достаточно умен, только ты, к сожалению, не даешь развиваться его уму в нужном направлении, поэтому он использует его совсем для другого...

– Опять виновата я...

– А кто? На нем твой кабалит, моя Лаона.

– Как? Как ты назвал меня?

– Ты слышала...

– Я слышала, но не могу поверить собственным ушам. Ты назвал меня мифической звездой, появление которой предсказывает одновременно счастье и гибель тому, кто ее увидел? Звездой, которую бояться увидеть все, смотрящие на небо? Я всегда удивлялась, как можно было придумать такое: счастье и смерть одновременно? Но это лишь миф, Норлан... ее нет.

– Для меня, мое сокровище, ты – это она.

– Прекрати, Норлан... я не хочу быть причиной твоей гибели... не говори так...

– Ты ей уже стала... Я умер тогда... на краю расщелины... как только воочию увидел тебя, летящую вниз... поэтому смерти я больше не боюсь... для меня ее больше нет. Теперь осталось лишь счастье, пусть и недолгое.

– Почему недолгое? Звезды ведь молчат про наше счастье... Поэтому только от нас зависит каким оно будет, – улыбнулась Къяра.

– Это точно, – улыбнулся ей в ответ Норлан и добавил: – Я-то знаю, что они молчат, а вот когда ты спросить успела?

– Да уж нашла время, – лукаво прищурилась она, – я не смогла удержаться и не постараться заглянуть в наше с тобой будущее, но оно не предопределено. Вернее мы долго будем идти, но вот вместе или поодаль только нам решать... и это радует.

– И даже очень, – улыбка Норлана стала шире, он подошел к ней и подхватил на руки. – Ну что, моя прекрасная Лаона, кушать будешь? Если да, то я отнесу тебя к столу.

Он на руках вынес Къяру из гостиной и прошел в следующую за ней столовую. Там он усадил ее за стол, сел напротив и взмахнул рукой. Стол застелила кружевная скатерть, а на столе появились тарелки и столовые приборы.

– Так что будешь есть?

– Учеников не проще было позвать? – улыбнулась Къяра и, иронизируя, повторила недавнюю фразу обилайта: – Ты нерационально расходует свои силы.

– Не проще... не хочу никого видеть кроме тебя. Поэтому говори, что есть будешь.

– Творог.

– Гастрономические фантазии у тебя избытком не отличаются... однако, попытаемся разнообразить их, – Норлан повел рукой, и на столе появилось очень большое блюдо с нарезанными персиками, абрикосами, грушами, яблоками, сливами и клубникой, а так же кусочками дыни и орехами. Вокруг него возникло множество тарелочек: с творогом и с творогом со сметаной, с взбитым творогом и с взбитыми сливками, с творогом из топленого молока и с запеченным творогом.

– Выбери, – усмехнулся он, и повел рукой еще раз. Перед ним, на его тарелке появился кусок зажаренного мяса и овощи.

– Я не ем такую ерунду, – пояснил он и взялся за нож с вилкой.

– Зачем мне столько одной? – она удивленно посмотрела на него.

– Ты же не уточнила, какой именно творог ты предпочитаешь и с чем, – ответил он и улыбнулся, – в общем, мне хотелось, чтобы у тебя был выбор.

– Что ж выбор, так выбор... хотя по большому счету в еде я неприхотлива, я совершенно спокойно больше трех лет ела лишь мясо и каши с похлебкой – улыбнулась в ответ Къяра и, придвинув к себе одну из тарелочек и украсив ее кусочками фруктов, принялась неспешно есть.

Обилайт быстро съел все, что у него было на тарелке и, откинувшись на спинку стула, стал наблюдать за Къярой, которая медленно и неторопливо ела, явно получая удовольствие, как от вкуса, так и от самого процесса еды. Наблюдал он за ней достаточно долго. Наконец Къяра не выдержала.

– Не боишься, что подавлюсь под твоим взглядом? – сосредоточенно выбирая, чтобы еще из фруктов ей подцепить на вилку, а затем, медленно отправляя в рот кусочек спелой клубники и явно смакуя его вкус, спросила она, даже не взглянув на него.

– Нет, мое сокровище, не подавишься, я знаю, что ты умеешь абстрагироваться. Не лишай меня удовольствия наблюдать за тобой. Ты прелестна...

– Ну смотри дальше, если нравится... мне не привыкать.

– Кай приучил?

– Да... он вообще глаз с меня не сводит, если никого нет рядом, – не отрываясь от еды, подтвердила она.

– Я его понимаю... Ты не представляешь, насколько это приятно... И ты еще хочешь, чтобы, имея счастье лицезреть тебя и ласкать тебя, он добровольно от всего этого отказался. Наивная...

– А ты знаешь, мне приятно, что это тебе доставляет удовольствие, – Къяра отложила вилку и подняла глаза на обилайта, – что уже давно не могу сказать про Кая... И больше всего меня возбуждает то, что я чувствую, что, несмотря на то, что тебе хорошо со мной, мне придется все время удерживать тебя, в отличие от него...

– Я знаю это, Къяра... Ты – завоевательница... хотя ты умеешь и переступать через чувства, как впрочем, и я. И только поэтому у нас есть шанс никогда не надоесть друг другу. Но именно только шанс, моя прекрасная Лаона. Кстати, мне доставляет удовольствие не только смотреть на тебя.

Он встал, подошел к ней и, со словами: «Надеюсь, что есть ты больше не хочешь», подхватил на руки.

Глава 4

В обители Къяра появилась через две недели. Вышла из своих апартаментов, будто и не покидала их вовсе. Потом зашла к обилайту, узнала, что его нет и, запретив его разыскивать, отправилась к Каю. С ним она провела около часа, после чего зашла к Смарту и велела ему привести учеников.

Смарт тут же привел двух мальчиков лет двенадцати и четырнадцати и очень красивую девушку шестнадцати лет. Посмотрев, что они умеют, Къяра бесстрастно проронила:

– Отправь их, нам надо поговорить.

Приказав ученикам уйти, Смарт опустился перед ней на колени.

– Вы недовольны, Владетельница?

– Не то слово, Смарт... Я в бешенстве, – абсолютно спокойным тоном произнесла Къяра, – мальчишки у тебя еще более-менее ничего, каждый для своего возраста, ну а ученица твоя вообще из рук вон плохо.

– Владетельница... – голос Смарта срывался, – она у меня лишь полтора года... и начала осваивать третий уровень...

– Я видела, как начала... Ты считаешь полтора года, это мало?

– Я знаю, что и Вы и обилайт за это время почти полностью обучали учеников, но девочка слаба... я не могу учить ее быстрее.

– Не можешь? – удивленно протянула Къяра. – Почему?

– Она учится, только медленно. Ей все дается с трудом... она и так постоянно плачет...

– Смарт, ты сам слышишь, что ты говоришь или нет? «Ей все дается с трудом, она плачет...» Ты считаешь это достаточная причина, чтобы не учить ее? Видишь, что нет результата, найди способ заставить ее заниматься более интенсивно, учи жестче.

– Она девочка... как ее можно жестче учить?

– Смарт, как ты думаешь, я в детстве кем была, мальчиком?

– Нет, конечно, Владетельница. Но у Вас были грандиозные способности, а у Весты их нет.

– Смарт, у твоей ученицы прекрасный природный потенциал... Я вижу это. Но ей уже больше шестнадцати, и дальше тебе будет еще сложнее ее заставлять выносить то, к чему она с детства не привыкла... Если за ближайшие полтора года она не подойдет хотя бы к восьмому уровню, то она не подойдет к нему никогда... Ты не можешь этого не понимать. Поэтому я хочу знать: почему ты не учишь ее? Ты хочешь, чтобы она магом так и не стала? У тебя на нее другие виды, как и на Катарину в свое время? – в ее тоне послышалась злость.

– Владетельница, помилосердствуйте... – Смарт упал на колени. – Что Вы! Я и в мыслях такого не держал... я готов признаться, в чем угодно, только не в этом... Я старался, только не могу я наказывать ее так же, как мальчишек, и заставлять так же не могу. Я старался учить ее, постепенно увеличивая нагрузки... Обилайт знал об этом и не возражал.

– Зато я возражаю, и твое объяснение меня абсолютно не удовлетворило... Значит так, если через два месяца Веста не начнет нормально работать хотя бы с третьей сферой – накажу, – сурово проронила она и вышла из его покоев.

Узнав, что Владетельница появилась в обители, Норлан пошел по ее следам, считывая все сведения о ней с информационной сферы. Нашел он ее в покоях Грегора, молодого мага, светловолосого, высокого и широкоплечего с пробивающимися пшеничными усами и выразительными серыми глазами. На обучении у него было пятеро шестилетних ребятишек: две девочки

и три мальчика. Они были у Грегора уже около года и за это время научились беспрекословно слушаться и выдерживать энергетику первой сферы, а некоторые даже использовать ее.

– Я не помешаю? – спросил Норлан, заходя в зал, где Грегор показывал учеников Кьяре.

Он заметил, что Кьяра, смотревшая на детей, была явно довольна. Взгляд ее был ласков, а на губах играла легкая улыбка.

– Нет, не помешаешь, – не оборачиваясь, ответила она, – я уже закончила. Грегор, можешь отпустить учеников. Пойдем, Норлан, проводи меня к себе. Хочу с тобой обсудить кое-какие проблемы.

Войдя вместе с Кьярой в свои апартаменты, Норлан установил на дверь магический занавес и недовольно покачал головой:

– Ты даже не сделала ему никаких замечаний...

– Так все, и правда, безукоризненно. Ты воспитал прекрасного мага, Норлан. Он ведь твой бывший ученик, или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Учил его я.

– Что ж это лишь лишний раз доказывает, что ты превосходный учитель. Но я и так это знала...

– Кьяра, я что-то не пойму к чему такие дифирамбы? Тебе что-то надо от меня? Тогда так и скажи. Я не падок на лесть.

– А это не лесть, это констатация факта. Покорми меня, на большее я пока не рассчитываю.

– Сейчас позову учеников, они накроют стол. Что есть будешь? – Норлан вновь вернулся к двери и поднял руку, намереваясь убрать магический занавес.

– Рыбу, овощи и белое сухое вино.

– Даже так? – Норлан удивленно приподнял брови и, не сняв занавес, руку опустил.

– Да, Норлан, у меня был тяжелый день и мне необходимо расслабиться, бутылок пять, я думаю, хватит. Кстати, попроси Хилтор привести пару мальчиков.

– Может, ты поужинаешь у себя? Я все организую.

– Ты не хочешь меня видеть?

– Видеть, как ты пьешь и развлекаешься, я действительно не хочу.

– Я очень сожалею, но тебе придется потерпеть. В отличие от тебя я хочу тебя видеть.

Поэтому ужинать буду тут, – Кьяра нахмурилась.

– Возможно и тут, но без меня.

– Ты мне перечишь? – шагнула она к нему.

– Наблюдать за тем, как ты превращаешь мои покои в пьяный балаган, уволь... Это без меня, – покачал головой он.

– Ты никуда не уйдешь! – в ее голосе зазвучал металл.

– Попробуй остановить.

Кьяра повела рукой, и, приблизившись вплотную к Норлану, подхватила проявившийся на его шее кабалит. После чего жестко спросила: – Думаешь, не остановлю?

– Весь вечер за кабалит держать будешь? – иронично осведомился он.

– Если надо, то и весь вечер!

– Тогда не сможешь ни есть, ни пить, ни развлекаться... – усмехнулся в ответ Норлан, потом помолчал немного и добавил: – Чего ждешь? Наказывай.

– Да бесполезно это, я знаю, – Кьяра скривила губы и отпустила кабалит на его шее, – знала ведь, что не надо идти сюда... и все равно пришла. Ты только больнее делаешь... Можешь не уходить никуда, я сама уйду... Есть еще одно место, где в отличие от тебя, меня будут рады видеть. Может, хоть там мне будет легче...

Она подняла руку, чтобы открыть арку, однако Норлан перехватил ее:

– Подожди. Расскажи, что случилось, возможно, я смогу помочь.

– От тебя помощи как от козла молока, ты можешь лишь большее сделать. Я сама разберусь, – Кьяра смерила его мрачным взглядом.

– Возможно, что как от козла, не спору. Однако лучше бы ты рассказала. Ведь ты за этим пришла. Извини, я не сразу понял. Я обещаю, что выслушаю и не предприму ничего, чего ты не пожелаешь. И говорить тебе ничего, что может тебя обидеть, не буду. Сокровище мое, я действительно хочу помочь тебе.

– Норлан, я так боюсь рассказывать тебе... Хотя готовилась поговорить, это правда. Сначала к тебе пошла, а когда увидела, что тебя нет, струсил и решила сходить к Каю, чтобы потом ко мне не цеплялся. А затем решила проконтролировать парочку магов, чтобы тебя задобрить, но ты не оценил... тогда я по-другому к тебе подлизаться попыталась, но опять не вышло... и когда ты учеников пообещал позвать на ужин, я не выдержала. Разозлилась и решила, что точно говорить ничего не буду, а устрою представление...

– Все, моя Лаона, не оправдывайся и не бойся, все будет хорошо, я обещаю, – Норлан обнял ее, а потом подхватил на руки. – Куда отнести тебя, мое сокровище? Где ты хочешь поговорить?

– В спальню, – Кьяра прильнула к Норлану и крепко обняла.

Усадив ее на большой мягкий диван, стоявший в углу спальни, Норлан сел рядом: – Рассказывай, что случилось.

– Ты знаешь, что у меня есть сестра? – осторожно взяв его руку в свои, тихо спросила она.

– Нет, первый раз слышу. Ты же в курсе, что обитель огорожена таким образом, что я не могу контролировать ни Лорен, ни пределы его, и знаю лишь то, что захочет рассказать мне Владетель или ты.

– Так вот у меня есть мать, которую я не видела всю мою жизнь до недавнего времени и сестра близнец. Она похожа на меня как две капли воды, только волосы золотые... – она осторожно стала перебирать его пальцы.

– Это интересно... И что дальше?

– Мать меня ненавидит, потому что именно ради меня мой отец пленил ее, убил ее отца и больше двадцати лет держал в заточении вместе с моей сестрой. В отличие от меня, мою сестру мать любит до безумия, поэтому избаловала до невозможности, и Инга не умела ничего до недавнего времени. Она кстати к магии сфер неспособна, в отличие от матери, которая неплохой маг. А неспособна, потому что в детстве мать надела на нее раскаленный браслет Рогнеды. Сейчас они обе мои служанки, на сестре мой кабалит, а на матери кабалит отца с моим обрамлением. В общем, все запутано и непросто. И рассказывать я не умею.

– Да баян из тебя неважный... – он усмехнулся и сам обхватил ее руки. – Не волнуйся ты так. Я же пообещал, что все будет хорошо. Поэтому не нервничай и расскажи подробнее.

– Зачем? Проблема не в этом, а в том, что моя сестрица переспала с моим супругом...

– У тебя есть официальный супруг?

– Да, мой двоюродный брат Лиат. Мальчишка младше меня на семь лет, ты должен помнить его, ты готовил его для меня... Он любит меня и предан, но сестренка решила пошутить, и он перепутал... В общем, сейчас в транс он и моя мать, которые знают, что за этим должно последовать, ну и идиотка сестра, которой все объяснили... Я могла бы все скрыть, но на матери, как я уже сказала, кабалит отца, и как бы она не хотела, от него это она скрыть не сумеет. А эта кретинка, когда с ее головы шарф упал и Лиат ей подробненько рассказал, что их ждет, в первую очередь к ней побежала...

– Тебе кто об этом сказал?

– Лиат. Как только я вернулась, рассказал...

– Тебе дорога сестра? – он заглянул ей в глаза. В них плескалась боль.

– Я не хочу ее казнить...

– Понял, – Норлан кивнул и задумался, а потом попросил: – Расскажи мне подробно как к тебе мать и сестра попали.

– Ты думаешь, это подскажет выход из сложившейся ситуации?

– Возможно, и не подскажет, но чем большей информацией владеешь, тем больше шансов найти то, что ищешь.

– А что ты ищешь? – она высвободила руки и с надеждой посмотрела на него.

– Способ замять эту историю.

– Хорошо, – кивнула она и, вздохнув, тихо спросила: – Ты ведь знаешь, что я была Владелицей у киритов?

– Да.

– Так вот, там я совершенно случайно повстречала колонну рабов, в которой была служанка моей матери. Сначала она приняла меня за нее, а потом сказала, что мой учитель Виард, похитил мою мать для моего отца, я отправилась к Виарду, потребовала объяснений и узнала, что кроме матери у меня была сестра-близнец. Попыталась узнать, живы ли они. Узнала... и как последняя дура решила вытащить их из заточения. Взяла из обители амулет, отправилась туда и столкнулась с матерью, которая не убила меня лишь потому, что оказалась слабей. А потом появился отец и потребовал либо казнить обеих, либо забрать себе. Как ты понимаешь, я выбрала последнее. Мать вначале просто трясло от ненависти, но когда я надела на нее обрамление, она стала на редкость ласкова и мила.

– А сестра? – уточнил Норлан.

– Инга, это вообще отдельная песня. Отец велел мне научить ее хоть чему-нибудь. Я старалась. И вроде бы даже сумела добиться чего-то. Инга научилась подчиняться, перестала все время ныть и капризничать. Стала хоть немного более самостоятельной и способной выполнять элементарные поручения... И у нас вроде даже отношения начали складываться, не ахти какие, но все-таки... Ненавидеть так точно она меня перестала... хотя может мне это только показалось. В общем, только все начало более-менее налаживаться, и тут она выкинула этот фортель. Наверное, я и сама виновата, так как позволила ей выбирать любых наложников, но мне и в голову не пришло предупредить ее про Лиата, я знала, как он относится ко мне...

– Ты позволила ей использовать твоих наложников?

– Да, Норлан, позволила... Причем первого даже сама контролировала. Эта кретинка выбрала предводителя отряда гентаров, плененного киритами, которого я только-только научила подчиняться... Такого здорового воина-дикаря. Удовольствия ей это не доставило никакого. Скорее наоборот, хотя гентар максимально старался ее не обидеть. Я предложила ей выбрать кого-нибудь другого, но она была так напугана грубыми мужскими ласками, что не захотела. А потом устроила это. Она клянется, что все вышло случайно, но я знаю, как ей хочется оказаться на моем месте, причем не тогда, когда надо работать, а исключительно, когда можно расслабиться, поэтому эта так называемая случайность очень закономерна.

– Ты сканировала ее мысли?

– Да, но опосредованно, и в них такая каша... От испуга она уже и сама не знает что было, а что она сама себе навидумывала, чтобы хоть как-то оправдаться... А подвергать ее направленному воздействию мне не хочется. По большому счету, как именно это произошло, никакой роли не играет.

Норлан опять надолго задумался, а потом спросил:

– Къяра, а как твой отец отреагировал на твой приход к матери?

– Нормально, он ждал меня, как потом выяснилось, то кольцо матери, с помощью которого я нашла ее, специально для меня оставил и даже учителя заставил солгать про него.

– Къяра, а вот про это поподробнее, пожалуйста.

– Виард сказал мне, что мать потеряла кольцо, когда он вез ее к отцу, а на самом деле она его не теряла, отец хотел, чтобы я нашла ее, и оставил кольцо в землях Треолов.

– Зачем ему все это было нужно?

– Хотел, чтобы я убедилась, что мать ненавидит меня, и что все мои попытки спасти и облагодетельствовать вредны как мне, так и окружающим. Когда я убедилась в этом, я приняла не только титул, но и покорилась. Норлан, он ждал именно этого... Он очень хорошо знает меня.

– Когда он обнаружил, что ты взяла амулет Ксинона, он сказал мне одну фразу, которая несколько заставляет усомниться в правдивости версии о ненависти твоей матери. Он сказал: «раз она ушла три часа назад, может быть поздно», это вылетело у него неосознанно, он проговорился. И это значит, он хотел контролировать происходящее, и боялся, что что-то пойдет не так... К тому же я чувствую какие-то нестыковки вначале твоего рассказа. Понимаешь, появление твоей матери, причем именно ненавидящей тебя, целесообразно настолько, что заставляет задуматься в правдивости всей истории, а если я найду скрытое дно, то возможно у тебя появится шанс торговаться с отцом, чтобы он согласился сохранить в тайне то, что произошло... Во-первых, зачем сложности с колье, когда можно было дать тебе просто считать информацию... А во-вторых, почему он не снял с твоей матери кабалит, не потому ли, что боится, что ты сможешь читать ее мысли?

– Колье... Он хотел, чтобы учитель солгал мне, и я убедилась, что доверять нельзя никому. А кабалит не снял, потому что у матери есть тайная сущность, и он не хотел, чтобы я узнала о ней. Только я узнала это и так... И в общем-то именно после этого она стала мила и покорна. Она очень боится, что об этом узнает еще кто-нибудь.

– Что за тайная сущность?

– Это и моя тайна, – Къяра улыбнулась, – она же моя мать.

Норлан задумчиво помолчал некоторое время, а потом даже пальцами прищелкнул от озарившей его догадки:

– Не может быть! Хотя почему: не может? Ведь именно это и объясняет все... И твою выдержку, и выносливость, и честность, и любовь к природе и ко всем тварям... Как же я раньше не догадался? Къяра, твой отец – гений. Он ведь даже пропорции идеально рассчитал... лишь на четверть, значит можно как-то влиять...

– Благодарю, мне очень приятно, что он гений... может, и мне что-то перепало, отец все-таки, – усмехнулась Къяра.

– Ты зря иронизируешь. Он пытался создать идеальное создание, и ему это, по-моему, удалось.

– Да неужели? Ты считаешь меня идеальным созданием? Зная твое презрительное отношение ко всем тварям, как ты их называешь, я поражена.

– Къяра, драконы высшие создания и не имеют к тварям ни малейшего отношения.

– Расскажи это моей матери, а то она готова лучше умереть, только чтобы никто не догадался о том, какая кровь течет в ее жилах.

– Къяра, это ее проблемы. Как я понимаю, у тебя их нет.

– Правильно понимаешь... Я горжусь этим.

Норлан улыбнулся, снова помолчал и задумчиво проговорил:

– Теперь я понимаю, зачем твоя мать надела на твою сестру браслет Рогнеды. Ее внутренней сущностью уже никто не сможет воспользоваться. Кстати, твоя мать не может ненавидеть тебя. Для драконов родственные узы святы.

– Однако она ненавидит.

– Къяра, а где колье, по которому ты нашла мать?

– Я отдала его отцу.

– Зачем? Ведь это вещь твоей матери?

– Во время встречи с ней мне было не до кольца, она даже на амулет Ксинона своеобразно прореагировала: «убью тебя, и он моим станет», какое уж тут кольцо... А потом отец сказал, что оставил его для меня и забрал.

– Он сам забрал его?

– Да, забрал, как только увидел у меня в руках, сказав, что мать его не теряла, а он давно взял его у нее, а Виарда заставил рассказать мне сказку.

– Къяра, это был преобролит.

– Ты шутишь?

– Я уверен на сто процентов.

– Я бы не стала ее заставлять надеть его...

– Скорее всего, она не знала о том, что это будет, и что это принесешь ты. Но догадывалась, что в случае ее неповиновения, он способен сотворить с ней такое. Это была страховка.

– И что это нам дает?

– Во-первых, можешь расслабиться по поводу твоей матери, она не ненавидит тебя, а во-вторых, сокровище мое, тонко сыграв на этом, ты сможешь уговорить отца забыть эту некрасивую историю, которую так хочешь замять... Но только если сама первая расскажешь о ней и при условии, конечно, что сделаешь все, чтобы она не стала достоянием гласности.

– Ты умеешь быть великодушным.

– Нет, сокровище мое. Я с громадным удовольствием отправил бы на плаху твою сестру, да и мать тоже... Их наличие лишь свяжет в будущем тебе руки... Однако, я пообещал помочь, и сделал это.

– Как же ты умеешь все обесценить.

– Ты хочешь, чтобы я лгал тебе?

– Нет, не хочу... я люблю тебя таким, какой ты есть, – Къяра обняла Норлана, притянула к себе и поцеловала.

– Это лишь благодарность за сдержанное обещание? – Норлан с усмешкой отстранился.

– Нет... это проявление тщательно скрываемых мною чувств, под благовидным предлогом благодарности, – Къяра вновь притянула его к себе, но Норлан отстранился.

– Сейчас не время, сокровище мое... тебе надо идти. Чем быстрее ты поговоришь с отцом, тем у тебя будет больше шансов замять то, что произошло. Иди.

– Ты великолепен, я люблю тебя, – улыбнулась Къяра, поднялась с дивана и, открыв магический переход, исчезла в нем.

Глава 5

Маграт был в своих покоях вместе с молоденькой наложницей. Он сидел, откинувшись на подушки большого дивана, в то время как расположившаяся на его коленях девушка с пышными формами и огненно-рыжими длинными кудрями умело ласкала его.

В это время в углу сверкнула арка магического перехода и из нее появилась Къяра.

– Отошли ее, отец, – холодным и мрачным тоном произнесла она, кивнув на наложницу.

– Пошла вон, быстро! – приказал той Маграт и резко столкнул с колен. Девушка упала, потом проворно вскочила и опрометью выбежала из зала.

Владелец поправил свой расшитый золотом бархатный халат, поднялся и, бросив на дверь магический занавес, повернулся к дочери:

– Что-то произошло?

– Пока не знаю... – все тем же тоном проронила она. – Покажи мне кольцо Алики.

– Норлан подсказал? – Владелец покачал головой. – Ну да, других вариантов нет. Вот ведь скотина, мало ему, что тебя получил... – он поморщился. – Ну и ты конечно хороша...

рассказать все ему, это ж додуматься надо было. Я, конечно, понимал, что ты у меня девочка без комплексов, но чтобы до такой степени...

– Так ты покажешь мне колье?

Они стояли друг напротив друга, и Къяра сверлила его испытующим взглядом.

– Зачем? Я и так подтверждаю тебе, что это именно то, о чем ты думаешь, – Владетель усмехнулся.

– За что ты так со мной? Ты совсем меня не любишь?

– Я очень люблю тебя, дитя мое, но мне надо было, чтобы ты вернулась и приняла титул.

– Докажи, что любишь!

– Я всегда боялся этих слов... и никогда не давал тебе воспользоваться ими.

– Ты получил то, что хотел... Получил ложью и подлостью. Я усвоила твой урок и теперь поняла, что, не проверяя действительно нельзя верить никому, даже тебе... Поэтому требую доказательств.

– Ложью? В чем я солгал тебе, дитя мое? – Маграт вновь усмехнулся. – Во время нашей встречи в покоях Алики, я не сказал тебе ни слова лжи... Да, я подготовил ее, и она вела себя так, как велел ей я. Это было не особенно честно с моей стороны, но и ложью это назвать нельзя.

– Зато подлостью можно! – Къяра нахмурилась. – И теперь я хочу знать: ты хочешь, чтобы я вела себя с тобой также или ты хочешь сохранить между нами отношения, построенные на той любви, о которой ты всегда говорил, и той, которая до сих пор живет в моей душе несмотря ни на что?

– Ты знаешь ответ. Поэтому лучше скажи: что конкретно ты хочешь от меня? – Владетель тяжело вздохнул.

– Хочу, чтобы ради меня ты нарушил то, что тебе столь дорого: имидж и свои устои... У меня и повод прекрасный для этого есть. Не особо серьезный, но затрагивающий твои принципы.

– И после этого все останется так, как было? – Маграт не сводил с нее пристального взгляда.

– Не совсем так, – Къяра неожиданно ласково улыбнулась. – Я надеюсь, что после этого ты сможешь чаще говорить мне о своей любви, да и я с большей искренностью отвечать тебе взаимностью.

– Хорошо, я согласен, радость моя... Я выполню любое твое желание.

– А если их будет два?

– Хорошо, пусть два, какая разница, – пожал плечами он. – Сейчас ты все что угодно можешь потребовать и в одном. Ты ведь из-под контроля стремишься вырваться. Не так ли, радость моя? Ты опрометчиво пообещала его мне, а теперь хочешь избавиться.

– Отнюдь... Я лишь хочу, чтобы ты перестал контролировать мою личную жизнь.

– Если ты согласишься принять еще одного выбранного мной для тебя супруга, то без проблем. Я и так почти не вмешиваюсь...

– Еще одного? Зачем тебе это?

– Я планирую решить кое-какие территориальные проблемы, и свадьба была бы лучшим выходом, чем война.

– Я должна буду подчиниться ему?

– Ни в коем случае... Это он подчинится тебе.

– Тогда, как ты говоришь: без проблем.

– Замечательно. Так что ты конкретно хочешь от меня?

– Мой супруг изменил мне с моей сестрой, и я хочу, чтобы все это прошло для них без всяких последствий.

– Понял... – Владетель мрачно хмыкнул. – Оригинально, конечно, но это действительно твоя личная жизнь, разбирайся в ней сама. Устраивает тебя, что твой супруг спит с твоей

рабыней, пожалуйста, – потом внимательно посмотрел на нее и спросил: – Что еще ты хочешь от меня?

– Обними и поцелуй меня... Больше ничего.

– Радость моя, ты меня удивляешь... – Владетель прижал дочь к себе и нежно поцеловал. – После сегодняшних обвинений я не предполагал, что тебе может этого захотеться.

– Отец, я люблю тебя, – Къяра прижалась к нему и сама нежно обняла. – К тому же ты подарил мне необыкновенную любовь...

– Не думал, что ты будешь столь откровенна. Тебе хорошо с ним?

– Очень редко... он еще жестче, чем ты. И ни в чем не идет мне навстречу. Но полюбить кого-то еще я вряд ли смогу.

– Ни в чем? Но ведь это он подсказал тебе, чем меня можно шантажировать.

– Я заставила... он поверил, что я уйду навсегда.

– А ты бы ушла?

– Да.

– Тогда не поверил, а увидел... это разные вещи.

– Он тоже не верит, не проверяя...

– Он идеален для тебя.

– Я знаю, – улыбнулась Къяра, помолчала немного, а потом осторожно разжала руки и высвободилась из объятий отца.

– Расскажи мне о матери, – попросила она, усаживаясь на большой диван, с которого поднялся Владетель.

– Спроси у нее сама.

– Я не смогу... Уже не смогу изменить сложившиеся между нами отношения. Да и не хочу... Мне так легче.

– Разумно, – Маграт, сев рядом с дочерью, ласково обнял ее, и она тут же доверчиво положила голову ему на плечо.

– Я узнал, что Алика наполовину дракон совершенно случайно... И меня охватило безумное желание иметь от нее наследника. Я обратился к звездам, а потом мне поймали гарпию, и она предсказала мне наследницу от нее. И вообще много чего наговорила... Одним словом я послал за Аликой Виарда, а сам пленил ее отца, а потом казнил его и поработил его владение, сделав своим пределом. В первую же ночь, которая была очень благоприятна для этого, я овладел Аликой. Утром она стала моей законной супругой. А потом случилось то, чего я впоследствии избегал всю жизнь... Я полюбил ее.

– Ты любил ее?

– Да, радость моя. Она была очаровательна и даже ее ненависть ко мне не портила ее. Я выполнял любые ее прихоти, за исключением одной – я не отпускал ее. А уйти сама она не могла, мешал браслет Рогнеды. Ее бесило, что она не может использовать магию, но я, пользуясь, что нет Виарда, надевшего на нее браслет, умело обходил все ее требования немедленно его найти. Я думал, что пройдет время, родится ребенок, и она смирится и успокоится, но оказалось, что ошибался. Родились две девочки, и Алика стала бояться, что одну из них я убью. Эта мысль превратилась у нее в навязчивую идею. Она практически не оставляла вас ни на минуту и не подпускала меня к вам. А потом устроила побег с Виардом. То, что я успел вовремя, было сказочным везением... Но в этом мире ничего не бывает случайным. Это было предопределено.

– Раз предопределено, значит, мог бы и не торопиться, – усмехнулась Къяра.

– Нет, дитя мое. Торопиться было необходимо. Невыполняемые предопределения рушат все... и начинается новый виток. Тебе ведь Норлан рассказал, как решил отказаться от своего предопределения и бросил трон?

– Да, он рассказывал... Кстати, он требует от меня выполнения моего долга даже более сурово, чем ты.

– Я догадывался, что так и будет, – улыбнулся Владетель и погладил дочь по голове. – Что ты еще хочешь знать?

– Почему ты не убил тогда мать? Не смог?

– Именно потому, что почувствовал: могу, поэтому и не убил...

– Ты убил любовь, – грустно проговорила Къяра.

– Да, дитя мое, именно. У меня изменилось отношение к ней, и она это почувствовала и испугалась... и за себя, и за Ингу, да и за тебя тоже. Она долгие годы исполняла любые мои прихоти, надеясь, что если я буду благосклонен к ней, то обеспечу беззаботную жизнь Инге и возможно что-то расскажу о тебе... Она ждала и боялась каждого моего прихода одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.